

Р. Эйкехъ

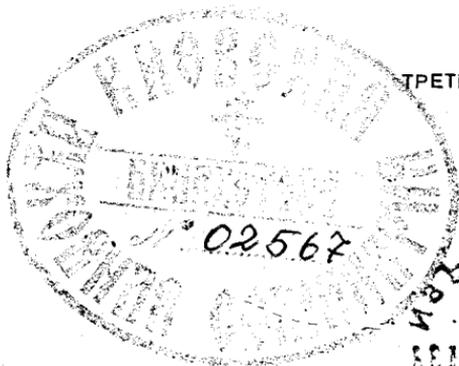
Проф. Ганскаго Университета

Б-16

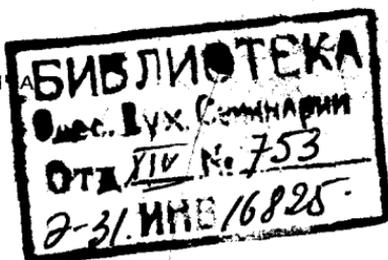
~~7240~~ 7241

ОСНОВНЫЯ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ

Перев. съ 2-го нѣм. изд. съ предисловіемъ автора
пр.-доц. С. И. ПОВАРНИНА

ТРЕТЬЯ ТЫСЯЧА

ИЗДАНИЕ
М. Н. С.
БЕЛЫЮГНЕА.
1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ О. БОГДАНОВОЙ

1910

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Меня порадовало-бы, если бъ мое изслѣдованіе главныхъ проблемъ современной философіи религіи встрѣтило интересъ и въ Россіи. Вопросы религіи стали въ наше время общимъ дѣломъ челоуѣчества, перешли за предѣлы отдѣльныхъ народностей и исповѣданій. Попытка сдѣланная въ одномъ мѣстѣ можетъ оказать дѣйствіе внѣ этого тѣснаго круга и всюду содѣйствовать стремленіямъ родственныхъ душъ. Пока казалось, что современная культура дала челоуѣческой жизни вполне устойчивое и надежное направленіе, пока челоуѣкъ находилъ въ работѣ для нея полное удовлетвореніе—проблема религіи стояла далеко на заднемъ планѣ и отвѣтъ на нее обыкновенно давался отрицательный. Вѣра въ эту культуру вытѣсняла всякую другую вѣру. Но въ настоящее время возникли серьезныя сомнѣнія въ цѣнности и силахъ нашей культуры и они растутъ день ото дня. Такая неуверенность вынуждаетъ вновь поднять вопросъ о смыслѣ и цѣнности нашей жизни. Но чѣмъ больше ощущаются при этомъ темнота и трудности въ положеніи челоуѣчества, тѣмъ съ большею силою выдвигается вновь проблема религіи. Всѣ мы захвачены теперь исканіемъ, никто не можетъ пожелать выступить въ качествѣ учителя другихъ. Но исканіе одного можетъ быть полезнымъ въ исканіяхъ другого. Хотѣлось бы, что бъ такое дѣйствіе выпало въ удѣлъ и этой книгѣ.

Рудольфъ Эйкенъ.

Іена, Февраль 1909 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемая книга возникла изъ лекцій, читанныхъ на богословскомъ факультетѣ въ Іенѣ 23 и 24 Октября 1906 г., онѣ касаются проблемъ, которыя обусловливаютъ рѣзкія противоположности въ жизни нашего времени и потому особенно нуждаются въ разъясненіи. Въ лекціяхъ была сдѣлана попытка, возможно яснѣе выдѣлить эти противоположности и по мѣрѣ силъ найти путь поверхъ нихъ.

Предметъ перваго чтенія—внутреннее обоснованіе религіи. Задача его — найти особый путь къ обоснованію религіи между старыми попытками, надѣявшимся притти къ религіи изъ разсмотрѣнія внѣшняго міра, и между новыми, которыя исходятъ изъ челоуѣческой души, но при этомъ легко сбиваются въ область ненадежнаго и безформеннаго. Въ противовѣсъ имъ развивается особый методъ, полагающій въ основу внутреннюю жизнь челоуѣка,

и въ то же время сохраняющей за нею мировой характеръ. Благодаря этому религія духовной жизни отчетливо отдѣляется отъ религіи просто человѣческой.

Второй отдѣлъ посвященъ „религіи и исторіи“. Врядъ ли что болѣе характерно для современнаго положенія религіи, чѣмъ постоянное обращеніе въ область исторіи. Но какъ ни велики пріобрѣтенія, сдѣланныя этимъ путемъ, нельзя отвергать и великихъ опасностей съ нимъ связанныхъ. Цѣль изслѣдованія—взвѣснить эти опасности, и при этомъ попробовать, нельзя ли преодолѣть угнетающій и расслабляющій историзмъ и въ то же время удержать значеніе исторіи въ противовѣсъ враждебному ей радикализму. Для этого необходимо было дать очеркъ нашихъ принципіальныхъ воззрѣній на исторію, освѣщающихъ особымъ образомъ всю общую картину жизни и касающихся, поэтому, и отдѣльных въ ней частностей.

Наконецъ неутомимая борьба, идущая въ наше время вокругъ вопросовъ о сущности и цѣнности христіанства должна сдѣлать изслѣдованіе „сущности христіанства близкимъ и интереснымъ и для философа“. Философъ долженъ видѣть при этомъ главную свою задачу въ изображеніи духовнаго характера христіанства и той своеобразной формы, которую оно придаетъ жизни. Надо достигнуть такого пониманія, которое было бы и достаточно широко, и въ то же время достаточно опредѣленно. Въ немъ должно быть охвачено все, что относится къ ядру христіанскаго образа мыслей, должно быть предоставлено мѣсто полнѣйшей свободѣ движенія;—но въ то же время и мышленіе и жизнь должны получить вполне отчетливое направленіе, въ противовѣсъ всякой расплывчатости и смутности столь часто встрѣчающимся теперь въ этомъ отношеніи. Наше изслѣдованіе касается глубочайшихъ основъ жизни и въ то же время стремится дать оцѣнку дѣятельности христіанства путемъ обзора всемирной исторіи. При этомъ все время въ немъ защищается и подчеркивается право нашего вѣка на измѣненіе старой формы христіанства въ новую, соответствующую данному времени.

Всѣ эти изслѣдованія обоснованы на нѣкоторомъ законченномъ философскомъ мировоззрѣніи; но выполнены они возможно просто и наглядно, и совсѣмъ не имѣютъ въ виду одинъ только ученый кругъ читателей. Они обращены ко всѣмъ современникамъ, интересующимся среди духовной сумятицы нашего времени, проблемой религіи и требующимъ отъ ея разработки—свободы, не переходящей въ пошлость и глубины, не переходящей въ неподвижность.

I. ВНУТРЕННЕЕ ОБОСНОВАНІЕ РЕЛИГИИ.

Эти лекціи во многомъ требуютъ дружеской снисходительности. Предметъ ихъ, по самому своему существу нуждается въ такой обстоятельной разработкѣ и такомъ основательномъ проникновеніи, какихъ нельзя дать въ нѣсколько часовъ. Въ нихъ можно будетъ сообщить только нѣкоторыя указанія, возбуждающія мысль къ дальнѣйшей работѣ, и намѣтить точки зрѣнія.—Впрочемъ въ этомъ есть, можетъ быть, и выгодная сторона: въ такихъ случаяхъ получаетъ возможность особенно ярко выдѣлиться главное. Мы предполагаемъ начать съ изложенія внутренняго, душевнаго обоснованія религіи, затѣмъ рассмотримъ отношеніе религіи къ исторіи и наконецъ изслѣдуемъ вопросъ о сущности христіанства. Такимъ образомъ придется итти отъ общаго къ частному, отъ основанія къ вершинѣ и надѣмся, что при этомъ намъ удастся развить основное воззрѣніе, проходящее черезъ все многообразіе.

Считать вопросъ объ обоснованіи религіи чѣмъ-то легкимъ и простымъ могутъ лишь тѣ, кто напередъ уже ослабилъ понятіе религіи. Конечно, врядъ ли кто будетъ сомнѣваться, что по ту сторону области нашего опыта остается неизвѣданная глубина, позади всего познаваемаго лежитъ непознаваемое. Но отсюда еще не вытекаетъ никакого отношенія къ этому неизвѣстному и, значить, не слѣдуетъ никакой религіи.

Пусть даже всѣ придутъ къ согласію, что должно признать это неизвѣстное Высшею Силою, превосходящей наши способности; пусть признаютъ, что надо все находящееся передъ нами считать результатомъ дѣйствія этой Силы: къ религіи мы все таки не придемъ и тогда. Для религіи необходимо не просто какое-нибудь дѣйствіе этого Вышаго, а его живое присутствіе въ кругѣ нашей жизни; нужно не просто какое-нибудь отношеніе къ нему, а реальное соотношеніе съ нимъ всего нашего существа. Какъ достигнуть непоколебимой увѣренности, что все это есть на самомъ дѣлѣ?—Этотъ вопросъ рѣшить не такъ-то легко. Намъ нужно предварительно еще поработать, чтобы найти точку, съ которой

вообще возможно подступить къ его рѣшенію; а ее врядь ли можно найти, если не будутъ особымъ образомъ построены основныя понятія жизни и дѣйствительности.

Всѣ, занимающіеся этимъ вопросомъ, согласны въ настоящее время въ одномъ: къ истинной цѣли ведетъ не постиженіе окружающаго міра. Положимъ, было бы несомнѣнно доказано, что міръ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ; изъ этого нельзя было бы заключать къ существованію возвышеннаго Разума, какъ къ причинѣ міра. Кантовская критика разума лишила почвы все, что со слѣпой самоувѣренностью предпринималось въ этомъ направленіи вѣкомъ просвѣщенія. Но и этого мало. Опытъ девятнадцатаго столѣтія такъ отчетливо выяснилъ мощь слѣпой связи существующаго и жестокое противоѣдѣствіе цѣлямъ разума, что намъ теперь совершенно невозможно довѣрять руководительству интеллекта на пути къ религіи. Въ лучшемъ случаѣ онъ могъ бы дать не религію цѣльнаго человѣка, не укрѣпленіе и возвышеніе духа, а просто лишь религіозное мировоззрѣніе.

Поэтому въ исканіяхъ основъ религіи произошелъ переворотъ; основы эти стали искать въ глубинѣ собственной души, въ особыхъ опытахъ и раскрытіяхъ внутренней жизни. Нельзя сперва доказать, что по ту сторону круга нашей жизни существуетъ дѣйствительность высшаго порядка, а затѣмъ уже поставить ее въ отношеніе къ намъ. Наоборотъ, единственно возможнымъ исходнымъ пунктомъ является именно процессъ самой жизни. Только выясненіе того, что дано и происходитъ въ этомъ жизненномъ процессѣ, можетъ насъ убѣдить въ наличности нѣкотораго высшаго міра.

Въ общемъ эта мысль неопровержима; но при ближайшемъ проведеніи ее легко попасть въ область проблематическаго. То, что выдаетъ себя за преодоленіе интеллектуализма и должно быть его преодоленіемъ—грозитъ стать простой реакціей противъ него. Нѣкоторые бѣгутъ отъ интеллекта съ его объективной работой въ прямо противоположную область: къ субъективности простого чувства, къ возможно болѣе отрѣшенному отъ міра для себя-бытію души.—Здѣсь много потребностей и желаній. Нѣкоторыя проявляются съ особою силой и ихъ нельзя отбросить по произволу: поэтому кажется, что они могутъ навѣрное рассчитывать на удовлетвореніе. Особенно представляется несомнѣнною вѣра въ дѣйствительное существованіе того, что считается необходимымъ для нашего моральнаго самоутвержденія. А это—приводитъ къ религіи: вѣдь поднята наше внутреннее существо надъ опасностями чуждаго и враждебнаго міра можетъ только сила, высшая чѣмъ міръ.

Не легко отдѣлать въ этомъ ходѣ мыслей истинное отъ ошибочнаго, необходимое отъ проблематическаго; можно сказать

только, что тутъ необходимой мысли придается слишкомъ субъективная окраска. Умозаключать отъ человѣка къ тому, что внѣ человѣка можно вѣдь при одномъ только условіи: если самъ человѣкъ не просто точка предъ лицомъ безконечнаго; если кромѣ ничтожнаго человѣческаго можно въ немъ различить болѣе чѣмъ человѣческое; если можно доказать, что онъ внутренне участвуетъ въ нѣкоторой вселенской жизни. Религія требуетъ мирового опыта, и чтобы пріобрѣсти его—нужно быть въ мірѣ; внѣшнему міру можетъ противостоять и превзойти его только міръ высшей реальности возникающей изнутри человѣка. Если же человѣкъ, наоборотъ, отрѣшится отъ всякаго отношенія ко вселенной и уйдетъ въ свою субъективность, то неминуемо при ней одной и останется. Тогда пусть онъ созидаетъ въ ней царства желаній, надеждъ и фантазій; ему никогда не удастся дать этому царству дѣйствительность, превышающую человѣка. Между тѣмъ главная суть религіи именно въ томъ, что въ человѣкѣ дѣйствуетъ нѣчто сверхчеловѣческое и подымаетъ его надъ самимъ собою, дѣлаетъ изъ него нѣчто новое, открываетъ для него новое отношеніе къ людямъ.—Если въ человѣкѣ сознаются движенія міра—необходимость, свойственная имъ, можетъ вывести за предѣлы того, что лежитъ непосредственно предъ нашими глазами, если же субъектъ, отрѣшенъ отъ міра, то къ нему вполне приложимы слова Вольтера: сила потребности отнюдь не доказательство, что потребность эта будетъ удовлетворена. Заключать отъ потребности субъекта къ ея удовлетворенію можно лишь при томъ условіи, что уже доказанъ разумный строй дѣйствительности; кому же еще только надо доказать существованіе разумнаго порядка дѣйствительности и кто при этомъ хочетъ сдѣлать какуюнибудь потребность человѣка исходнымъ пунктомъ такого доказательства, тотъ впадаетъ въ логическій кругъ.

Но допустимъ даже, что можно идти по этой дорогѣ: тогда все, что религія пріобрѣтетъ на ней, окажется совершенно недостаточнымъ по сравненію съ самой идеей религіи. Иначе и быть не можетъ; религія слишкомъ обратится тогда въ жизнь чистаго чувства, въ переживаніе однихъ субъективныхъ состояній; она будетъ страшиться всякаго изслѣдованія проблемы міра, всякаго болѣе тѣснаго соприкосновенія съ культурной работой. Она образуетъ царство, которое при любомъ субъективномъ возбужденіи можетъ легко обратиться—въ пустоту. Человѣкъ никогда не сводится весь къ однимъ субъективнымъ состояніямъ: объективное также составляетъ часть его существа и должно его затрагивать. Проблема міра не возникаетъ въ человѣкѣ только впоследствии, какъ придатокъ: она свойство внутреннѣйшей природы мирового существа, микрокосма, а такимъ и является человѣкъ. На дорогѣ интеллектуализма религіи угрожало пониженіе до сте-

пени простого мировоззрѣнія; на дорогѣ чистыхъ субъективныхъ состояній, — на пути волонтаристическомъ, аффективномъ или называйте его какъ угодно, — религія можетъ легко обратиться въ простое движеніе и волненіе чистаго чувства. Правда она пріобрѣтаетъ въ этомъ случаѣ большую теплоту; за то широта ея уменьшается. Она не можетъ мощно оттолкнуть отъ себя чисто субъективное; человѣкъ, идущій этимъ путемъ, не въ силахъ какъ слѣдуетъ вырваться изъ оковъ чистой человѣчности (Menschlichkeit).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что переходъ съ одной стороны на другую, противоположную, намъ помочь не можетъ. Мы подвинемся впередъ лишь тогда, когда какънибудь удастся преодолѣть эту противоположность, а достигнуть этого можно лишь въ томъ случаѣ, если поверхъ простого сосуществованія душевныхъ проявленій, поверхъ раздѣленія такъ называемыхъ душевныхъ способностей, можно притти къ единству, которое охватывало бы ихъ, такъ чтобы всякое многообразіе представилось раскрытіемъ этого единства. Въ этомъ единствѣ должно тогда обнаружиться участіе человѣка во вселенской жизни, тутъ долженъ бы онъ получить возможность пріобрѣтать вселенскій опытъ.

Лишь такимъ путемъ можно обосновать религію изъ внутреннихъ данныхъ, потому что такой мировой опытъ могъ бы вполне удовлетворить насъ въ существованіи высшаго порядка. Слѣдовательно для того, чтобы узнать, возможно ли внутреннее обоснованіе религіи, необходимо предварительно рѣшить вопросъ — станетъ ли видимой въ насъ эта вселенская жизнь, если наша собственная жизнь будетъ охвачена въ единство.

Мы безъ всякаго колебанія отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно. Въ доказательство сошлемся на фактъ душевной жизни. Мы не сознаемъ, какъ много говоритъ этотъ фактъ и какъ много намъ въ немъ дается. Обычное, повседневное легко скрываетъ свои проблемы и представляется само собою понятнымъ; поэтому мы и не замѣчаемъ и не цѣнимъ чудеса, которыя совершаются въ насъ вмѣстѣ съ развитіемъ жизни духа. Въ насъ возникаетъ тогда нѣчто совершенно противоположное чистому сосуществованію, свойственному тому роду бытія, къ которому мы принадлежимъ первоначально, и въ которомъ жизнь течетъ просто отъ одного момента къ другому: возникаетъ жизнь совершенно иного рода, имѣющая вселенскій характеръ, жизнь, въ которой одно совокупное стремленіе захватываетъ и какъ бы одушевляетъ всѣ единичныя проявленія. Эта духовная жизнь и творчество — не простой придатокъ существующей дѣйствительности, но построение особой, новой дѣйствительности, на что отчетливо указываютъ многіе признаки. Творчество здѣсь не ограничивается какою либо отдѣльною областью: оно стремится

охватить все существующее; все, что остается гдѣнибудь внѣ насъ незатронутымъ и непонятымъ, ощущается имъ какъ нѣкоторое сопротивленіе, какъ причина страданія. Духовная жизнь не только воспринимаетъ и накапливаетъ, но и связываетъ, и измѣняетъ; она не остается при томъ лишь, что дано, а выходитъ за предѣлы даннаго и ставитъ ему новыя цѣли. Это видно какъ въ мышленіи нашемъ, такъ и въ дѣятельности. Мысль выступаетъ изъ рядовъ зависимостей, связывающихъ наше существованіе, противопоставляетъ себя послѣднему и старается охватить его въ одно цѣлое. Уже при внѣшнемъ измѣреніи вселенной рвущаяся въ безконечное фантазія мысли переходитъ за предѣлы, которые полагаетъ намъ способность ощущеній; но еще упорнѣе она силится проникнуть внутрь, измѣняя простое сосуществованіе въ существованіе координированное, стремясь извѣдать все большую и большую глубину и ставя, наконецъ, вопросъ о смыслѣ всего цѣлаго. Подобное же видимъ мы и въ дѣятельности. Духовная жизнь полагаетъ идеалы для нашей дѣятельности и, наконецъ, даетъ идеалъ новаго состоянія міра; исходя изъ нихъ, оцѣниваетъ существующее положеніе, стремится замѣнить старое новымъ и такимъ образомъ вызываетъ громадное, неизмѣримое движеніе.

Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ кроется стремленіе къ новому міру; но этому новому свойственна внутренняя связь многообразія, подчиненіе отдѣльныхъ частей цѣлому; каждое отдѣльное звено въ немъ движется идеями и силою цѣлаго; такимъ образомъ работа объединяется здѣсь не тѣмъ, что результаты ея соотвѣтствуютъ другъ другу, а тѣмъ, что въ ней напередъ уже дѣйствуетъ нѣкоторая связь и соотвѣтствіе частей. Каждый человѣкъ имѣетъ свой особый міръ представленій, свое особое мнѣніе, свое частное желаніе, но міръ истины одинъ для всѣхъ насъ и что въ немъ добывается для одного какогонибудь пункта, то имѣетъ непосредственное значеніе и для всѣхъ прочихъ, и для всего цѣлаго; развѣ могла бы существовать какаянибудь система науки, если бы не было такой внутренней общности? Тоже относится и къ дѣятельности: одному человѣку полезно въ цѣляхъ физическаго и соціальнаго самосохраненія одно, другому другое, соотвѣтственно свойствамъ субъекта и обстоятельствамъ; но тамъ, гдѣ развивается жизнь духа, стремленіе направлено къ одному благу, имѣющему силу для всѣхъ; оно есть благо для всѣхъ и служить мѣриломъ для дѣйствія единичныхъ лицъ. — Истина и благо подымаютъ надъ узкими кругами частныхъ интересовъ и мнѣній въ царство всеобщаго и соединяютъ человѣчество во внутреннее единство стремленія. При этомъ истина и благо не простыя средства и орудія нашего благосостоянія; почитать такъ — значитъ уничтожить ихъ совершенно. Нѣтъ, они

открываютъ намъ новую и болѣе благородную жизнь, новый мѣръ, и только принявъ послѣднѣя челоуѣкъ отодвигается отъ животныхъ или, лучше сказать, духовное въ немъ отдѣляется отъ животнаго; только тогда, благодаря такого рода духовности, получаетъ челоуѣкъ несравненную цѣнность. Еще одно свойство характерно для истины и блага: они не извнѣ касаются своего предмета, не остаются, благодаря этому, при одномъ только соприкосновеніи, а наоборотъ, вовлекаютъ въ себя его во всемъ объемѣ и оформливая свой предметъ постепенно развиваются сами. Такъ мышленіе, преодолевъ всякую субъективность чистыхъ состояній, постигаетъ вещь и приспособляется къ ея требованіямъ; такъ, наше чувствованіе при возвышеніи жизни надъ чистою природою, получаетъ способность переноситься въ другого челоуѣка и въ справедливости, въ любви дѣлать бытіе другого челоуѣка частью нашей дальнѣйшей и болѣе богатой жизни. Мы видимъ, что вездѣ здѣсь движеніе жизни отрѣшается отъ отдѣльной точки и пріобрѣтаетъ безпредѣльность; имѣетъ дѣло не только съ наличною дѣйствительностью, но развиваетъ изъ себя новую дѣйствительность и создаетъ такимъ образомъ царство внутренняго.

Мы не можемъ обозрѣть эту жизнь во всей ея совокупности, не можемъ оцѣнить ея особенности, не поставивъ вопросъ: откуда происходитъ эта жизнь? какое мѣсто занимаетъ она въ цѣлой дѣйствительности? Простымъ созданіемъ челоуѣческаго мышленія она не можетъ быть: слишкомъ много приносится ею особыхъ силъ и порядковъ (Ordnungen), которыхъ нельзя установить искусственнымъ путемъ ни теперь, ни когда либо. Кромѣ того, она стоитъ въ такомъ противорѣчій съ интересами естественнаго благосостоянія; требуетъ отъ челоуѣка столько труда и жертвъ, такого полнаго измѣненія, такого перемѣщенія центра тяжести существа его, что къ ней никогда не могло бы привести простое стремленіе къ счастью. Далѣе, и сама природа челоуѣка, въ томъ состояніи, въ какомъ доступна опыту, не соотвѣтствуетъ этой задачѣ. И она показываетъ прямое противорѣчье съ требованіями духовной жизни. Тамъ все разсѣяно, все представляется лишь отдѣльными точками, здѣсь—требованіе внутренней цѣльности; тамъ жалкое безсиліе передъ могучими естественными влеченіями самосохраненія—здѣсь притязаніе быть глубочайшей основой и движущей силой жизни; тамъ жизнь, подвластная пространству и времени—здѣсь стремленіе ко внутреннему и вѣчному порядку, причемъ всякій процессъ въ пространствѣ и времени понижается до степени простого проявленія и раскрытія нѣкотораго другого процесса, болѣе существеннаго. Поэтому, считать духовную жизнь чисто челоуѣческимъ дѣйствіемъ, произведеніемъ самаго челоуѣка, значитъ внутренне отказаться

отъ нея. Ее можно понимать только какъ движеніе всего цѣлаго, вселенной, сообщаемое челоуѣку и совершающееся въ немъ. Жизнь духа совершенно непостижима и никогда не могла бы стать въ насъ силою, если-бъ ей не была свойственна независимость по отношенію къ челоуѣку, если-бъ единая общая жизнь (Gesamtleben), проявляющаяся въ ней не принадлежала бы самой дѣйствительности и не образовывала реальной связности. Только общая единая жизнь дѣйствительности можетъ вызвать въ насъ движеніе къ общей единой жизни. Къ такому же убѣжденію приводитъ своеобразное отношеніе духа и природы. Въ концѣ концовъ и тамъ и здѣсь должна дѣйствовать одна и та же жизнь; но, поскольку дѣло касается природы, жизнь эта, повидимому, разлагается на отдѣльныя нити и ограничивается ихъ взаимодействіемъ; она не достигаетъ здѣсь самососредоточенія и какой либо внутренней цѣнности. Въ духовной жизни, наоборотъ, происходитъ объединеніе въ одно цѣлое и—сосредоточеніе. Тутъ дѣйствительность впервые пріобрѣтаетъ внутреннее единство и душу; тутъ перестаетъ существовать темная глубина позади жизни, а бытіе все болѣе и болѣе вовлекается въ процессъ жизни, такъ что онъ подымается до степени носителя нѣкоторой дѣйствительности.

Мы отлично знаемъ, что принимая независимость духовной жизни противорѣчимъ обычнымъ взглядамъ. Тѣмъ не менѣе мы должны рѣшительно настаивать на ней, такъ какъ этимъ обусловленъ приговоръ всѣмъ духовнымъ движеніямъ. Во всѣхъ ихъ видахъ содержатся утвержденія, выходящія за предѣлы чисто челоуѣческаго, всюду вводится въ бытіе челоуѣка новый мѣръ, связанный внутреннею зависимою; вездѣ на лицо независимость отъ челоуѣческихъ мнѣній и склонностей, отъ узости и обособленности чисто челоуѣческихъ проявленій. Если мы боимся признать это изъ страха повернуть къ метафизикѣ (а современный челоуѣкъ, какъ ни считаетъ онъ себя свободнымъ, часто бываетъ жалкимъ рабомъ поверхностныхъ взглядовъ времени), и если въ то же время хотѣли удержать существованіе истины,— все равно какой истины,—мы въ основаніи умозаключенія отрицаемъ то, что утверждаемъ въ выводѣ; намъ никогда не достигнуть мощнаго объединенія жизни и побѣдоноснаго шествія впередъ. Значитъ въ этомъ пунктѣ души челоуѣческія раздѣляются, получается непримиримый расколъ. Тотъ неопредѣленный двойственный свѣтъ, при которомъ этотъ вопросъ разсматривается въ обычной средней жизни, самымъ основательнымъ образомъ разсѣянъ движеніями новѣйшаго времени. Кто рѣшаетъ данную дилемму въ пользу отрицанія, долженъ по крайней мѣрѣ сознать, что понижаетъ такимъ образомъ до степени простого воображенія все, превосходящее естественное бытіе и социальное сосуще-

ствование; долженъ сознать, что понятія вродѣ истины и добра теряютъ для него свое значеніе. Но здѣсь нечего дальше распространяться объ этомъ.

Предположимъ теперь, что кто нибудь рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу утвержденія и призналъ въ духовной жизни самостоятельную міровую силу. Доказана ли этимъ истинность религіи?—Едва ли. Простое существованіе силы, превосходящей человѣка, еще ни въ какомъ случаѣ не служитъ основаніемъ религіи.

Религія требуетъ, чтобы эта сила вся цѣликомъ становилась наличною въ противоположность той жизни, къ которой мы принадлежимъ безъ нея.) Мы выяснили, самое большее, лишь возможность этого; нашли только мѣсто, въ которомъ надо искать; надо еще доказать, что такой фактъ дѣйствительно существуетъ. Способъ же доказательства здѣсь можетъ быть только одинъ: надо показать, что жизнь развивается и дальше и выше того состоянія, которое разсматривалось до сихъ поръ, что въ нашемъ человѣческомъ существованіи обнаруживается присутствіе высшей духовности, съ творчествомъ, свойственнымъ послѣдней и благодаря этому жизнь восходитъ на новую высоту.

Мы опять съ полной рѣшимостью утверждаемъ, что такой фактъ дѣйствительно существуетъ. Вѣдь духовная жизнь не просто затрогиваетъ насъ своими дѣйствіями; она не приходитъ къ намъ по частямъ, не влечетъ къ себѣ лишь части нашей жизни; нѣтъ, она является въ насъ, какъ нѣчто цѣлое, какъ цѣлое становится нашей принадлежностью и вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ первоначально и возникаетъ. Въ существованіи нашемъ происходитъ полный переворотъ; мы дѣлаемся исходными точками безпредѣльной общей жизни вселенной (Gesamtleben), совмѣстными носителями духовнаго міра, независимыми сотрудниками въ царствѣ разума. Это великое превращеніе въ разныя эпохи обозначалось различно: древніе говорили о независимости разума въ человѣкѣ, первые христіане о неизмѣримой цѣнности каждой единичной души. Мы, люди новаго времени, придаемъ высокую цѣнность понятіямъ личности и духовной индивидуальности; этимъ самымъ мы признаемъ, что считаемъ жизнь человѣка чѣмъ то особеннымъ, видимъ въ ней не одно простое звено въ цѣпи причинъ и дѣйствій. Конечно очень важно освободить эти понятія отъ той расплывчатой неопредѣленности, которая часто сопровождаетъ ихъ въ наше время; благодаря этой неопредѣленности имъ приписывается въ качествѣ само собою подразумеваемыхъ свойствъ то, чего они достигаютъ лишь какъ звенья вселенской связи. Правда, многообразіе жизни группируется въ насъ около центра, но это говоритъ еще довольно мало; такая группировка легко можетъ быть слѣдствіемъ усиленія одной только природы

и удерживать насъ въ ея предѣлахъ. Она пріобрѣтаетъ цѣнность лишь тогда, когда въ этомъ объединеніи пробивается независимая духовная жизнь, когда человѣку дѣлается присущей вся безпредѣльность этой жизни и онъ получаетъ возможность въ ея раскрытіи достигнуть новаго, болѣе широкаго и болѣе чистаго „я“.

Только при такомъ пониманіи личной жизни можно постичь и оцѣнить возникновеніе духовной индивидуальности. Случайная особенная констелляція свойствъ въ человѣкѣ, дарованная природой, никогда не имѣла бы права считаться цѣнною и не могла бы совершенствоваться вопреки всѣмъ препятствіямъ; изъ свойственного ей простого сосуществованія частей никогда бы не могло возникнуть единство. Только когда въ жизни совершился поворотъ, когда достигнута извѣстная независимость, получается возможность стремиться къ индивидуальности и тогда образованіе ея получаетъ неизмѣримую цѣнность, какъ особенное и ни съ чѣмъ не сравнимое воплощеніе духовнаго міра; тогда каждое пріобрѣтеніе индивидуальности является увеличеніемъ царства духа. Но въ то же время и личность и индивидуальность, переставъ быть мнимыми фактами, дѣлаются уже трудными задачами; рѣшать ихъ приходится втеченіе всей жизни человѣка и въ лучшемъ случаѣ рѣшеніе бываетъ лишь очень приблизительнымъ.

При такихъ условіяхъ устремленіе къ своей личности и индивидуальности означаетъ не удаленіе отъ великой вселенной въ отдѣльную келью, не роскошества отрѣшеннаго отъ міра для-себя-бытія, а достиженіе самобытно возникающей жизни, которая стремится охватить всю безпредѣльность привлечь къ себѣ весь міръ и придать ему новую форму. Человѣкъ, какъ духовное существо съ самага начала носить въ себѣ это отношеніе ко вселенной; поэтому въ устремленіи къ міру, въ развитіи міра онъ ищетъ, на дѣлѣ, свою собственную сущность; поэтому все, что могло бы заключить его въ отдѣльную область для-себя-бытія, необходимо должно быть для него и слишкомъ ничтожнымъ, и слишкомъ узкимъ. Такимъ образомъ движеніе къ личности и индивидуальности является исходною точкою новаго состоянія, состоянія объединеннаго человѣчества: построеніе или поддержка нѣкоторой самостоятельной духовности въ царствѣ человѣчества должно охватить и связывать нити всѣхъ отдѣльныхъ жизней. Это, и только одно это, даетъ смыслъ и цѣнность бытію человѣка и всемірно-историческому движенію, взятому въ цѣломъ. Пусть вся прочая жизнь, благодаря своей широтѣ, благодаря тому, что дѣйствія ея доступны чувствамъ, принимаетъ на себя видъ чего то главнаго: она и есть и останется лишь чѣмъ то побочнымъ, простымъ обстоятельствомъ и условіемъ духовной жизни, этого

существеннаго зерна челоуѣка. Если она отрѣшится отъ духовной жизни или станетъ къ ней во враждебное отношеніе то сдѣлается одною видимостью, тѣнью.

Но эта новая жизнь находится въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи. Вѣдь самобытность и та независимость, ея, которая выступаетъ противъ всего прочаго міра и мужественно вступаетъ съ нимъ въ борьбу, не могутъ быть дѣломъ индивидуума, какъ такоуаго, или результатомъ даннаго естественнаго и соціальнаго порядка. Единое цѣлое духовной жизни можетъ быть насаждено въ челоуѣкѣ только высшимъ единымъ цѣлымъ ея, имъ же должно неминуемо и держаться. Такимъ образомъ появленіе духовной жизни означаетъ явленіе новой степени дѣйствительности, вступающей въ нашу жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прорывъ ближайшаго порядка причинъ и дѣйствій. Разрывается связность міра, становится навсегда невозможною рациональная связь дѣйствительности, доступной нашему зрѣнію; исключается монизмъ непосредственно даннаго состоянія міра. Дѣйствительность богаче нашихъ жалкихъ формулъ и таитъ больше противоположностей, чѣмъ это удобно для челоуѣка; но должно ли намъ отрицать и богатство ея, и противоположности, потому лишь, что хочется поскорѣе отдѣлаться отъ неудобныхъ фактовъ? Должны ли мы объявлять истинными и единственно возможными тѣ свойства міра, которыя всего легче можно уложить въ рамки челоуѣческихъ понятій? Нужно ли оставлять въ своемъ мышленіи столько антропоморфизма?

По нашему воззрѣнію не тотъ или иной фактъ духовной жизни удостоуѣряетъ въ присутствіи высшей жизни въ челоуѣкѣ, не отдѣльные факты первой связываютъ насъ съ этой вышею жизнью, но за наличность ея ручается вся совокупность существующей въ насъ самобытной и независимой жизни. При такомъ пониманіи религія нераздѣлимо связана съ самымъ внутреннимъ зерномъ нашего существа.—Но духовная жизнь, развивающаяся при этомъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторое своеобразное противорѣчіе. Она въ сознаніи своей независимости полна радостной мощи и можетъ даже въ отдѣльномъ, единичномъ мѣстѣ существованія являеть себя совершенной самоцѣлю; оно можетъ, благодаря своей самобытности и самодѣятельности, чувствовать превосходство надъ всѣмъ физическимъ и психическимъ міромъ. Но всю силу и способность къ этому новая жизнь получаетъ не отъ природы, какъ таковой, а потому только, что сама представляетъ изъ себя проявленіе высшей, чѣмъ міръ, единой общей жизни; лишь наличность и сила послѣдней даетъ ей эти свойства, лишь то обстоятельство, что она обуславливается общей жизнью и зависитъ отъ нея. Даже самодѣятельность новой жизни является прежде всего чѣмъ то сообщаемымъ челоуѣку,—даромъ, милостью, благодатью.

Богословы имѣли полное право настаивать на томъ, что и вѣра, это усвоеніе новой жизни—дѣйствіе больше всего челоуѣку свойственное—не можетъ возникнуть отъ самого челоуѣка, а должна быть дарована и пробуждена въ душѣ. Жизнь въ этомъ случаѣ не слагается изъ челоуѣческихъ и божескихъ дѣйствій, какъ изъ различныхъ факторовъ. Вершина челоуѣческаго есть цѣликомъ и совершенно обнаруженіе божественнаго. „Что мы имѣемъ, чего бы не получили?“

Такимъ образомъ, всякая самобытная духовная жизнь въ челоуѣкѣ находится въ какой нибудь связи съ религіей. Чѣмъ больше она сознаетъ свою самобытность и противоположность тому существованію, которое дано отъ природы, тѣмъ лучше это для ея послѣдовательности и убѣжденности.

Ближайшая форма новой жизни обуславливается тѣмъ, что намъ послѣдняя представляется въ трехъ степеняхъ: въ видѣ осново-полагающей, борющейся и побѣждающей духовности. Если въ кругу челоуѣческаго бытія развивается нѣкоторая независимая, самостоятельная духовность и если духовная жизнь совершается не только въ насъ, но и чрезъ посредство насъ, отчетливо отдѣляясь отъ простой природы и общественности,—то это указываетъ на великій поворотъ въ существованіи. Онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть дѣломъ простаго индивидуума, тутъ одно цѣлое раскрываетъ жизнь другому цѣлому. Потому то творческіе гении, въ какой бы ни работали они области, чувствовали, обыкновенно, что ихъ влечетъ и несетъ какая то невидимая сила, что ими руководитъ какая то внутренняя необходимость, пробившая вѣрный путь черезъ всѣ умствованія и сомнѣнія и дающая независимость отъ всего окружающаго міра. Вслѣдствіе этого и удача не дѣлала ихъ надменными и кичливыми, скорѣе она наполняла сознаніемъ, что они вмѣстилища высшихъ силъ, вливала благоговѣніе и глубокую благодарность. Правда, здѣсь вершины челоуѣчества и на нихъ это особенно ярко проявляется; но тоже самое проникаетъ и всю работу челоуѣчества. Всюду указанный признакъ отдѣляетъ истинную духовную культуру отъ простой челоуѣческой, отъ жалкой комедіи культуры. Если-бъ работа челоуѣчества потеряла свою внутреннюю связь, она утратила бы и всякую независимость отъ челоуѣческихъ хотѣній и мнѣній, и всякую силу внутренне возвышать и измѣнять челоуѣка. Тогда ни острота мысли, ни удача не охранили бы ее отъ паденія до степени простой видимости, свойственной комедіи культуры.

Но этотъ религіозный элементъ, присущій всякой истинной культурной работѣ, сначала существуетъ больше въ скрытомъ видѣ, сопровождаетъ ее въ видѣ смутнаго чувствованія; онъ можетъ даже повредить широтѣ и объективности работы, если проявится самостоятельно и станетъ вліять на форму и ходъ ея.

Заключенное здѣсь зерно достигаетъ полнаго развитія лишь въ борьбѣ, которую новая жизнь должна выдержать въ царствѣ нашего существованія. Если-бъ это новое цѣлое не стояло въ такомъ рѣзкомъ противорѣчии къ обычной жизни, мы не могли бы и почувствовать всю новизну его и своеобразность. Для насъ, людей, новая жизнь — состояніе неизбѣжной борьбы. Вначалѣ борьба эта направлена больше наружу, ведется, по преимуществу, противъ равнодушія природы, слѣпоты рока, тупости толпы. Тогда нѣтъ еще необходимости въ болѣе близкомъ отношеніи къ религіи: мысль о разумѣ, пребывающемъ въ насъ, можетъ дать человеку и силу сопротивленія, и гордое самосознаніе. Въ доказательство можно указать на возрѣнія стоиковъ, вновь и вновь выплывающія въ круговоротѣ временъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда это развитіе захватить собственный внутренній міръ человека и здѣсь станутъ нарождаться задачи, далеко превышающія наши силы; когда духовное движеніе начнетъ терпѣть крушенія, наталкиваясь на жестокое противоудѣйствіе изнутри или же прямо подсѣкается нашей собственной внутреннею слабостью; однимъ словомъ, когда становится необходимымъ поддержать новую жизнь, поддержать свою душу,—въ борьбѣ съ той слабостью; низостью и зломъ, которыя кроются въ самомъ человекѣ. Разъ подобный кризисъ наступилъ, за нимъ должно слѣдовать или полное разрушеніе, или установка связи съ невидимымъ міромъ, тогда сила послѣдняго понесетъ насъ къ полной достовѣрности и придастъ жизни особый и, своеобразный характеръ. Религія съ задняго плана бытія вполнѣ отчетливо и опредѣленно передвигается на передній планъ.

И на исторической почвѣ къ признанію религіи приводило гораздо чаще не выясненіе разумности бытія, а опытное познаніе и ощущеніе неразумности его, въ связи, конечно, съ убѣжденіемъ, что духовное зерно не уничтожимо въ человекѣ и отъ него нельзя окончательно отказаться. Скорбь, потрясеніе, угрожающая гибель приводили жизнь къ такой точкѣ, на которой чувствовалась настоятельная необходимость противиться этому лишенію духовнаго и вотъ даже изъ самой глубины сомнѣній, за предѣлами возможности какого нибудь доказательства, возникла аксіоматическая увѣренность въ скрытомъ существованіи иного порядка вещей. Подобные кризисы даютъ намъ почувствовать особый характеръ этого отрицанія: чувствуется, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, отчего человекъ можетъ по произволу отказаться,—какъ, напр., отказывается отъ собственнаго удовольствія или субъективнаго счастья. Здѣсь, наоборотъ, нѣчто само себя утверждаетъ, помимо нашей воли; захватываетъ и удерживаетъ человека безъ его желанія; наконецъ, покоряетъ волю и становится душой его жизни. Никто глубже не чувствовалъ этой борьбы и

не описывалъ увлекательнѣе, чѣмъ Августинъ, который убѣдился въ истинѣ собственнаго бытія только тогда, когда убѣдился въ существованіи Бытія Божественнаго.

Гдѣ борьба ведется въ этомъ смыслѣ, т. е. не какъ частное дѣло индивидуума, а какъ охраненіе и поддержка духовнаго міра въ отдѣльномъ пунктѣ дѣйствительности, тамъ она выходитъ за предѣлы простой защиты, и удерживанія позиціи. Въ ней совершается тогда углубленіе жизни; при дальнѣйшемъ развитіи ея въ связи съ соответственнымъ особымъ опытомъ, возникаетъ въ противоположность всей запутанности міровой работы царство чисто внутренняго и дѣлаетъ себя душой всей дѣйствительности. При такихъ условіяхъ это внутреннее, со своимъ новымъ содержаниемъ, въ избыткѣ защищено отъ упрековъ въ чистой субъективности. Вѣдь здѣсь все движеніе происходитъ не бокъ-о-бокъ, не на ряду съ дѣйствительностью, а среди ея и увлекаетъ дѣйствительность къ ея собственной глубинѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ степеняхъ основополагающей, борющейся и побѣждающей духовности стремится къ проявленію истинная духовная жизнь. Чѣмъ дальше развивается это движеніе, тѣмъ больше оно пріобрѣтаетъ религіозный характеръ, тѣмъ отчетливѣе становится видно, какъ человека объединяетъ и возвышаетъ сверхчеловѣческая сила. Раздѣлять эти степени необходимо, иначе можно болѣе раннимъ степенямъ приписать результаты позднѣйшихъ; но, въ концѣ концовъ, все многообразіе образуетъ единое общее движеніе и только когда достигнуто такое единое цѣлое—убѣжденіе можетъ возвыситься до высшей достовѣрности.

Конечно, въ человѣческихъ отношеніяхъ остается при этомъ несказанно много недоконченнаго, даже противорѣчиваго. Еще больше обостряется противоположность со всѣмъ чуждымъ и враждебнымъ; растутъ и во внутреннемъ мірѣ человека, разстоянія и противоположности;—но движеніе впередъ не можетъ совершаться безъ этого: какъ бы ни трудились, ни работали мы—удобно и гладкое разрѣшеніе задачи не придвигается къ намъ, а скорѣе отъ насъ отодвигается. Но какія заботы и сомнѣнія ни готовитъ намъ эта недоконченность, они не въ силахъ поколебать по крайней мѣрѣ основнаго факта; запутанность и даже жестокое противоудѣйствіе могутъ лишь его подтвердить, довести до болѣе отчетливаго сознанія. Сама задача, съ ея принудительной силой и несравненной высотой, превосходящей силы всякаго естественнаго и социальнаго бытія—есть неопровержимый и потому непреодолимый основнаго фактъ. Къ жизни нашей, взятой, какъ цѣлое, вполнѣ подходятъ слова Лютера: „Она еще не завершена и не закончена, но находится въ пути и движеніи; это не конецъ, а дорога. Не все еще пылаетъ и блещетъ — но все очищается“.

Вотъ способъ, которымъ мы пытаемся обосновать религію исходя изъ факта духовной жизни. У этого метода есть общее съ психическимъ обоснованіемъ, которое часто предпринималось изслѣдователями: и тотъ и другой способъ исходятъ изъ внутренняго міра человѣка; и тотъ и другой отвергаютъ возможность вывести религію изъ внѣшняго, изъ свойствъ окружающаго міра. Но изъ нашего изслѣдованія видно уже, какое громадное разстояніе раздѣляетъ оба эти воззрѣнія. Психологическое рѣшеніе вопроса предполагаетъ, что можно достигнуть цѣли путемъ непосредственнаго опыта; нашъ же методъ, въ противоположность этому можно назвать нѣологическимъ. Мы думаемъ, что обосновать религію можно лишь тогда, когда исходнымъ пунктомъ будетъ измѣненіе первоначальнаго представленія дѣйствительности и извѣстный поворотъ жизни.

Поэтому нашъ методъ долженъ считаться съ проблемой міра и требуетъ метафизики. Къ послѣдней приводитъ насъ не удовольствіе, связанное съ теоретическими умствованіями, а необходимость удержать духовную жизнь. Потому мы такъ настойчиво и держимся за метафизику, въ противоположность главному направленію эпохи. Но при этомъ мы отклоняемъ отъ себя всякую отвѣтственность за прежнія формы метафизики, недостатки которыхъ даютъ поводъ противникамъ отвергать ее цѣликомъ, и просимъ свободы, — свободы придать ей такой видъ, какой по нашему мнѣнію необходимъ. Однако, подробнѣе объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

Такимъ образомъ, мы отрицаемъ возможность обосновать религію на психологіи; но это еще не значитъ, что мы низко оцѣниваемъ значеніе психологіи для научнаго изслѣдованія религіи. Этой наукѣ остается на долю важная задача показать въ подробностяхъ, какія формы получаетъ въ человѣческомъ опытѣ жизнь религіи, утверждающаяся на объединеніи и коренномъ измѣненіи душевной жизни; какъ она появляется въ индивидуумѣ и, вообще, въ средѣ человѣческихъ отношеній; какъ находитъ точки, къ которымъ можетъ примкнуть и приобрѣтаетъ силу. Историческое развитіе религіи показываетъ, что душевная жизнь развивается въ этой области такъ своеобразно, обнаруживаетъ столько замѣчательныхъ сторонъ и свойствъ, что психологіи здѣсь очень много дѣла и предстоитъ большія приобрѣтенія. Для того, чтобы освѣтить все это научно, требуется особая психологія религіи. Только не надо сливать непосредственно въ одно двѣ вещи: особое развитіе религіи въ человѣкѣ, — короче сказать, человѣческую форму существованія религіи — и коренную основу послѣдней, равно какъ и ея духовную субстанцію. Иначе мы подвергнемся той же опасности, какой подпадаетъ такъ часто современное мышленіе, опасности, въ значительной степени обуславливающей впаденіе его въ натурализмъ

и субъективизмъ: мы можемъ принять простыя условія за творческія силы и, такимъ образомъ, передъ нами замкнется и глупина дѣйствительности, и цѣнность жизни.

Въ религіи, какъ и вообще, въ области духовной жизни, вопросъ не въ томъ, какъ объяснить извѣстное состояніе, которое извѣстно уже намъ достовѣрно; главною задечу является, именно само это состояніе. Всякое изслѣдованіе предмета вливается въ русло этой главной задачи. Поэтому и каждая особая попытка обосновать религію даетъ особое представленіе о ней и споръ о методѣ обращается, въ концѣ концовъ, въ споръ о содержаніи религіи. Такъ и мы не можемъ попытаться обосновать религію на признаніи самостоятельной духовной жизни, не постулируя напередъ религіи духовной жизни, съ рѣзко проведенными въ различныхъ направленіяхъ границами.

Главнымъ рѣшающимъ фактомъ тутъ является, прежде всего, самый процессъ духовной жизни; онъ настоятельно требуетъ, чтобы всякое многообразіе разсматривалось и оцѣнивалось, исходя изъ внутренняго и цѣлаго. Можно при этомъ вполне признавать, что духовная жизнь, поскольку она имѣетъ дѣло съ человѣческими отношеніями, необходимо должно воплотиться въ ученія, учрежденія и т. д.; но только эти послѣднія не могутъ быть въ ней главнымъ. Если религія не хочетъ обратиться въ одну внѣшность и окаменѣть, ихъ необходимо должно ставить снова въ связь съ обосновывающей жизнью, ихъ должно измѣрять ею. Измѣнять, исходя изъ нея. Далѣе: религія духовной жизни должна настаивать на духовномъ содержаніи, она не можетъ оставаться при шаткихъ, блуждающихъ представленіяхъ и чувствахъ; особенно надо ей остерегаться впасть въ слѣпую набожность, почитающую не зная, что именно она почитаетъ; такая набожность открыта для самыхъ бессмысленныхъ суевѣрій и готова звать къ Богу о помощи даже при совершеніи тяжкаго преступленія. Для религіи недостаточно самой отстраниться отъ суевѣрій; она должна выступать противъ нихъ на всемъ широкомъ полѣ жизни. Въ нѣкоторыхъ видахъ христіанства это дѣлается далеко не рѣшительно.

Религію духовной жизни слѣдуетъ особенно отграничивать отъ религіи человѣка, какъ такового. Здѣсь возникаетъ своеобразная дилемма, которая въ глазахъ поверхностнаго изслѣдованія подвергаетъ опасности всю религію. Обосновать и развить религію можно лишь исходя изъ опытовъ человѣческой жизни, значитъ, человѣка въ ней исключить нельзя; а онъ неминуемо будетъ переносить формы и движенія своей жизни на цѣлое вселенной. Если это дѣйствительно происходитъ, религія по необходимости получаетъ антропоморфическій характеръ; если же она, чтобы избѣжать этого, станетъ строить зданіе изъ аб-

страктныхъ міровыхъ понятій, вродѣ единства, бытія и т. п., то сдѣлается бездушная и холодная. Но религіи нельзя становиться антропоморфической. Если-бъ религія стала гнуть дѣйствительность подъ мѣрку отдѣльнаго единичнаго существа, то какъ бы она могла раскрывать истину? Если-бъ она принадлежала къ кругу человѣческаго бытія, то какъ бы могла поднять надъ нимъ челоуѣка? Покуда мы не признаемъ двойственности въ челоуѣкѣ, не признаемъ въ немъ существованія чисто челоуѣческаго и сверхчелоуѣческаго—дилемма эта неразрѣшима; а признать это можно не иначе, какъ признавъ сперва наличность самобытной духовной жизни въ челоуѣкѣ. Тогда имѣетъ значеніе принятіе и усиленіе одного изъ этихъ началъ, отгѣсненіе и подчиненіе другого; тогда становится возможнымъ удовлетворить требованію, которое предъявляется всею исторіей религіи. Исторія эта представляетъ изъ себя прогрессивное отрѣшеніе религіи отъ чисто челоуѣческаго и усиленіе ея духовнаго содержанія. Такъ и должно быть. Если всюду на высотѣ религіознаго творчества господствовало убѣжденіе, что религія не должна заботиться о челоуѣкѣ, каковъ онъ есть, и въ томъ мірѣ, какой данъ, а должна совершенно измѣнить челоуѣка, открывъ ему новый міръ, то, конечно, всѣ челоуѣчскія представленія и цѣли должны были оказаться недостаточными, и болѣе подробно уразумѣніе сущности новой жизни, несмотря на всю непосредственность и очевидность послѣдней, сводилось по необходимости къ однимъ образамъ и уподобленіямъ. Но часто эта несомнѣнно истинная общая мысль не имѣла достаточно силы, чтобы осуществиться; нерѣдко при соотвѣтственныхъ формахъ религіи, челоуѣческое отгѣсняло божественное и подчиняло его своимъ цѣлямъ. Поэтому очень цѣнно для насъ, если болѣе объединеніе и болѣе рѣзкое отграниченіе духовной жизни отъ челоуѣка, какъ такового, даютъ возможность легче охватить упомянутую общую истину; очень цѣнно, если вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ задача — пересмотрѣть весь итогъ дошедшей до насъ религіи и выяснитъ, сколько въ ней кроется чисто челоуѣческаго, сколько уступокъ чисто челоуѣчскимъ желаніямъ и склонностямъ, и насколько заповѣди ея сводятся къ простымъ пристройкамъ къ челоуѣческому существованію, а не къ созиданію новаго царства. Необходимо гораздо сильнѣе сознать, что религія обѣщаетъ челоуѣку не спасеніе даннаго ему природой психическаго достоянія, а спасеніе духовной его субстанции; что она вноситъ въ его существованіе великое раздѣленіе и требуетъ тяжелой жертвы. Кто станетъ ослаблять эту противоположность и этимъ усердно затемнять дѣло, для того религія легко можетъ обратиться въ одинъ изъ видовъ утонченнаго эликуреизма, хотя вся внѣшность благоговѣнія и поклоненія при этомъ и сохранится. Такимъ образомъ,

тутъ необходима самая рѣшительная критика; если она будетъ исходить не изъ внѣшнихъ соображеній, а изъ собственной сущности религіи и требованій ея, то къ разрушенію привести не можетъ.

Разсмотримъ, наконецъ, еще одно сомнѣніе, которое, повидимому, подтверждается ходомъ нашего изслѣдованія. Къ той высотѣ, на которой раскрылась наличность новаго міра во всей его цѣлости, насъ привелъ лишь послѣдовательный рядъ умозаклученій. Не слишкомъ ли запутанно это? Не теряетъ ли религія при такомъ искусственномъ построеніи душевную непосредственность, безъ которой она не можетъ дать того, что хочетъ, и что должна давать? Но такъ можетъ казаться лишь тѣмъ, кто считаетъ понятіе непосредственнаго простымъ и не усматриваетъ проблемъ, съ которыми должно здѣсь считаться. На дѣлѣ всемірно-историческое движеніе измѣняетъ первоначальное содержаніе этого понятія въ совершенно противоположное. Сначала кажется непосредственно очевиднымъ и достовѣрнымъ то, что дано нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. То, что мы осязаемъ и воспринимаемъ непосредственно, является для наивнаго сознанія основой всякой очевидности; иного это сознаніе не можетъ понять. Но чѣмъ больше подвигается впередъ духовная работа, тѣмъ отчетливѣе выясняется, что это очевидное, данное внѣшнимъ чувствамъ, содержитъ въ себѣ множество условій и посредствующихъ звеньевъ; что оно возникаетъ лишь, какъ конечный результатъ запутанныхъ процессовъ. Въ томъ, что, повидимому, просто и достовѣрно, обнаруживается на самомъ дѣлѣ множество проблемъ. Но чувственное бытіе можетъ обратиться въ проблему, въ чистое явленіе, при одномъ лишь условіи: если больше начинаетъ цѣниться и признаваться роль душевной дѣятельности. Внутренняя жизнь, столь вначалѣ разсѣянная, начинаетъ вмѣстѣ съ ходомъ этого движенія все больше и больше концентрироваться и пріобрѣтаетъ преобладающее единство. Становится все очевиднѣе, что это единство является истиннымъ мѣстопробываніемъ внутренней жизни и что все, претендующее на истинность, должно показывать свою принадлежность къ нему. Движеніе переходитъ за предѣлы одного познанаія и захватываетъ все цѣлое жизни; развитіе культуры всюду все болѣе и болѣе отгѣсняетъ жизнь изъ чувственнаго въ недоступное чувствамъ. Само значеніе чувственнаго мѣняется: центръ тяжести переходитъ съ непосредственнаго впечатлѣнія отъ него, на нѣчто другое: чувственное становится важнымъ, какъ средство и выраженіе духовныхъ стремленій. Чѣмъ самостоятельнѣе эта жизнь, тѣмъ крѣпче ея сосредоточеніе въ себѣ самой, тѣмъ болѣе главное движеніе ея направляется не извнѣ во внутрь, а извнутри наружу: если уподобить кантовское сраженіе, — совершается поворотъ отъ Птолемея.

БИБЛИОТЕКА
 Отд. XIV № 753.
 2-31 ИМБ 16825

№ 02567

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

Коперниковой. Вме́стѣ съ этимъ и непосредственность переносится изъ чувственного въ нечувственное. Самымъ близкимъ и очевиднымъ становится собственный нашъ внутренній міръ,—постольку именно, поскольку онъ соединенъ въ одно связанное дѣятельное цѣлое, въ одинъ общій процессъ, какъ это бываетъ при признаніи духовной жизни. Такое превращеніе понятія непосредственности служить на пользу и религіи. Тамъ, гдѣ духовная жизнь, съ ея непосредственностью, признается за самое близкое и очевидное,—тамъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній и непосредственность и очевидность религіи. Вѣдь мы видѣли уже, что религія не является только вполслѣдствіи, какъ придатокъ духовной жизни, а что она существенное свойство этой жизни и съ самаго начала съ нею связана; мы признали, что она—основное условіе, при которомъ только и возможно въ мірѣ человѣческихъ отношеній проникнуть къ дѣйствительности. Насколько очевидно, что въ насъ существуетъ самостоятельная духовная жизнь въ противоположность простой человѣчности, настолько очевидна и истина религіи. А на самостоятельности этой зиждется все, чего мы ищемъ, что цѣнимъ, что уважаемъ и чтимъ; безъ нея нѣтъ ни науки, ни нравственности; такія величины, какъ личность и индивидуальность становятся безъ нея одной скорлупою. Если рухнетъ цѣлое, то и въ отдѣльномъ мѣстѣ его не останется больше истины; но тѣмъ тѣснѣе связано что нибудь со всѣмъ цѣлымъ жизни, тѣмъ больше раздѣляетъ съ нимъ аксіоматическую достоверность.

И если религія связана съ этимъ цѣлымъ такъ тѣсно, какъ мы нашли въ своемъ изслѣдованіи, то можно не вступать въ боязливый компромиссъ съ поверхностнымъ теченіемъ времени; можно не удовлетворяться мнѣніемъ, что религіи присуща нѣкоторая, болѣе низкая степень достоверности, не говорить, что нельзя совершенно исключить субъективность въ этомъ вопросѣ, и что истины религіи никогда не станутъ очевидными, какъ дважды два—четыре. Мы противопоставляемъ этому другое утвержденіе: тотъ оцѣниваетъ такъ мало религію, кто допускаетъ, будто есть достоверность, превосходящая ея достоверность; кто для истины религіи не требуетъ болѣе первоначальной очевидности, чѣмъ та, которою обладаетъ $2 \times 2 = 4$. Только поверхностное и неправильное понятіе объ истинѣ можетъ ставить достоверность частей выше достоверности цѣлаго. Вѣдь всѣ единичныя истины предполагаютъ одно цѣлое истины, царство истины. Не обосновываясь въ немъ, онѣ являются простыми соединеніями представлений, эти соединенія могли бы быть иными; можетъ быть у разныхъ людей они и различны. Въ концѣ концовъ цѣлое представляетъ источникъ достоверности, отдѣльныя части могутъ получать ее только отъ цѣлаго.

Единственно, что придаетъ приведенному выше противоположному утвержденію нѣкоторый отгѣнокъ вѣроятности,—и то лишь кажущейся вѣроятности,—такъ это различіе личныхъ и сверхличныхъ истинъ. Есть истины, при которыхъ соединеніе различныхъ членовъ и установка сужденія не требуютъ сведенія къ цѣлому жизненному движенію; и есть другія, непремѣнно, въ видѣ предпосылки, требующія этого цѣлаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требующія и нѣкотораго внутренняго движенія въ единичномъ: это истины личные, но не чисто субъективныя. Вѣдь движеніе, о которомъ мы упомянули, не есть дѣло единичнаго субъекта, а самой духовной жизни; оно стоитъ не бокъ-о-бокъ съ дѣйствительностью, но внутри ея самой. Истина, какъ цѣлое, есть въ этомъ смыслѣ нѣчто совершенно личное; она содержитъ утвержденіе самостоятельнаго, независимаго царства въ противоположность человѣческому хотѣнію и мнѣнію; она носитъ въ себѣ всю совокупность убѣжденія, все цѣлое его, которое никому не можетъ быть навязано и вытекаетъ лишь изъ собственнаго опыта и рѣшенія. Безъ этой основной личной истины теряетъ характеръ истинности и то, что называется истиной безличной. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что истина религіи носить личный характеръ, т. е. требуетъ привожденія духовной жизни и собственнаго движенія субъекта, ни въ какомъ случаѣ не можетъ нарушить достовѣрность религіи. Пусть люди, благодаря различію формъ, въ которыхъ отливаются ихъ жизнь, не перестаютъ спорить о религіи; кто признаетъ жизнь духа, возвышающуюся надъ всѣми человѣческими мнѣніями и надъ раздвоеніемъ человѣка, того эти споры не испугаютъ. Они только усилятъ убѣжденіе, что подлинная истина не можетъ придти извнѣ или быть извнѣ навязана; она, въ концѣ концовъ, есть актъ внутреннѣйшаго существа человѣка, дѣйствіе свободы.

II. РЕЛИГИЯ И ИСТОРИЯ.

Самая характерная черта девятнадцатого столетия—развитие исторического созерцания и толкования явлений. Восемнадцатый век был назван философским веком; девятнадцатый можно с полным правом назвать веком истории. Люди стали понимать данное состояние сущаго, как результат долгаго движения, начали оценивать настоящее, как одно из звеньев непрерывной, продолжающейся цепи. Это вызвало совсем иное отношение к действительности и изменило до основания нашу работу. Исторический образ мышления сначала захватил область духовной жизни; не естествоведение привело к нему философию, а философия естествоведение. Но последнее теснее соединило его с опытною действительностью, благодаря этому сдвинуло его ближе к нам и убедительнее, и привело к надежному господству во всех отраслях жизни. Такой переворот не мог произойти без сильных перемен в нашей жизни, мышления и деятельности; но перемены эти представляются чистою прибылью по отношению к силе и истинности цели. Возникла более широкая основа, более сильное движение, неизмеримое богатство индивидуальных переживаний; явилось более ясное проникновение в сущность предмета и более спокойная оценка. Теснее стала связь бытия во всем его объеме; обнаружилось стремление подхватывать передаваемую нам нить и собственными силами проводить ее дальше—призыв к самостоятельному сотрудничеству во великом деле вселенной. Все это, казалось, безусловно возвышает новый образ мышления над прежними способами представления.

И религия не могла уйти от такого решительного переворота. И она должна была дать место разумному бытию (Sein) из бывания (Werden).—Но в ней,—именно в христианской ее форме,—возникает особенно резкое столкновение старого с новым: старое здесь заключает в себе особое характерное понимание истории, совершенно отличающееся от нового и повидимому, неразделимо срослось с этим пониманием. Религия, согласно

его воззрению, пришла к нам с вершины, далеко возвышающейся над всякою человеческою силой и деятельностью. Последующие времена должны с безграничным почитанием смотреть на эту вершину, чтобы по ней ориентироваться на собственном пути; и вдвинуло ее в человеческое существование чудо, самооткровение Божества, а потому никакая изменчивость человеческого не может ее коснуться. Надо только верно блюсти все, приобретенное на этих высотах, не допускать искажения и хранить живым во все времена. В этом главная задача человечества. Таким образом, взор остается обращенным к прошлому и самое отдаленное будущее не сулит во всем этом никаких перемен.

Новый исторический образ мышления самым решительным образом поколебало этот комплекс убеждений. Оно действовало медленно и действие его шло изнутри—и было тем сильнее. Стремясь к тесной связи явлений оно посягнуло и на эту высочайшую вершину; оно изучает все, ее окружавшее, показывает, что и тут существуют связи и все более и более суживает разстояние между ею и остальной действительностью. Даже там, где это высшее представляется еще превосходящим все человеческое,—даже там оно является только вершиною известного широкого движения и частью некоторого большого цела, и сущность его таким образом может раскрыться лишь в связи с целым. Благодаря этому исследование, не ограничиваясь вершинами, распространяется на всю ширь исторической жизни, а, значит, и представление о действующих в этой области силах должно стать иным. Резкая противоположность между божественным и человеческим исчезает все более и более. Человеческое становится также призванным к сотрудничеству в создании религии и, поскольку в последней постигается некоторая вечная истина, оно восходит на новую внутреннюю высоту; божественное же становится более близким душе и общение с ним более интимным. Таким образом жизнь приобретает, повидимому, большее единство, а религия—более широкое основание.

Но не только для отдельной религии получает значение смена времени; и в отношении религий друг к другу происходит большая перемена. Там, где за всем множеством стоит единое целое движение и где первое может быть понято лишь из последнего,—там нельзя судить, основываясь на „или—или“ и постулировать резкое противоречие исключяющих друг друга видов. Необходимо предположить, что каждый вид имеет известный внутренний смысл; строгость абсолютного суждения должна уступить место мягкости относительного. Возникает склонность рассматривать все религии, как

развѣтвленія одного и того же общаго стремленія. Нѣтъ надобности предполагать, что всѣ развѣтвленія эти равноцѣнны; но, безусловно, каждое изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую цѣнность. Такимъ образомъ шире раскрывается богатство исторической жизни; получается больше внутренняго согласія, больше подвижности въ созерцаніи и толкованіи фактовъ.

Но дѣйствіе историческаго мышленія не ограничивается однимъ разсмотрѣніемъ порядка явленій; измѣняются и самые элементы, самые факты. Это обусловлено главнымъ образомъ развитіемъ и примѣненіемъ исторической критики. Въ послѣднее время вполне сознано, какъ могучи вліянія субъективной стороны души на представленіе человѣка объ окружающемъ и на построеніе картины прошлаго. Вполнѣ отчетливо выяснилось, какъ создается человѣкомъ его собственный міръ, обусловленный его представленіями и мнѣніями, его чувствами и стремленіями, желаніями и надеждами. Сознаніе это заставляетъ подвергнуть самой строгой провѣркѣ всякое историческое сообщеніе; вся цѣпа, обуславливающая послѣднее, начиная отъ воспріятія факта, насквозь пропитана дѣйствіями субъективности и является результатомъ многихъ измѣненій матерьяла. Но по отношенію къ основнымъ фактамъ, признаваемымъ религіей, задача эта достигаетъ особаго напряженія. Здѣсь страстность стремленій и надеждъ души проявляется особенно бурно и желанія сердца легко принимаютъ форму воспринимаемыхъ образовъ; здѣсь сила общаго впечатлѣнія не позволяетъ трезво обсуждать единичныя частности. Поэтому можно было ожидать что именно тутъ исторической критикѣ придется особенно много исправлять и приводить въ порядокъ. Такъ оно и оказалось на самомъ дѣлѣ. Пришлось разстаться со многими, что намъ было дорого и цѣнно, сильно уменьшилась область прочныхъ владѣній. За то выше стала радость обладанія, потому что обладаніе это законно. И сама духовная жизнь должна много выиграть въ ясности и въ истинѣ, когда тѣ образы, которые ее занимаютъ, выступаютъ въ отчетливыхъ очертаніяхъ изъ туманной оболочки, въ которую одѣло ихъ древнее преданіе.

Все это могло-бы казаться чистымъ приобрѣтеніемъ,—да и является таковымъ, поскольку дѣло касается лишь науки. Ибо нельзя отрицать, что предметъ разясняется все болѣе и болѣе и обработка матеріала получаетъ соразмѣрное развитіе. Но спрашивается, является ли выгода науки въ то-же время выгодой и религіи, или же интересы обѣихъ прямо противорѣчатъ другъ другу? Наука стремится привести всякое многообразіе въ послѣдовательную связь,—религія не возможна безъ нѣкотораго контраста, безъ отдѣленія божественнаго отъ человѣческаго. Для нея необходимы возвышенное и его соотвѣтственная противополож-

ность—благоевѣніе, а міръ мысли точнаго познанія не даетъ мѣста этимъ понятіямъ. Такимъ образомъ выходитъ, будто въ частности историческое разсмотрѣніе, ярко освѣщая лица и событія, уничтожаетъ въ нихъ именно то, что дѣлало ихъ предметами религіознаго почитанія,—единственное въ своемъ родѣ, превышающее человѣческія силы, чудесное. Справедливо сказалъ величайшій поэтъ нашъ, что чудо—любимое дитя вѣры. Религія безъ всякаго чуда—противорѣчіе въ самой себѣ; спрашивается только, какъ надо понимать чудо. А точная наука не допускаетъ чуда ни въ какомъ смыслѣ.

Ходъ исторической критики и ея результаты особенно наглядно ставятъ предъ нами эту проблему; ея тяжелая муравьиная работа произвела въ концѣ концовъ совершенный общій переворотъ. По старымъ убѣжденіямъ священная исторія такъ же рѣзко отличается отъ обычной, какъ священный храмъ отъ суетныхъ занятій обыденной жизни. Въ ней процессъ бытія шель другими дорогами. Въ ней говоришь намъ съ помощью чудесныхъ дѣйствій сверхміровой порядокъ—и это не могло возбуждать удивленія. Мѣрила были въ ней больше, противоположности рѣзче, процессы бытія рѣзко отливались въ формы „да“ или „нѣтъ“. Думали, что, вся сверхміровая высота, которую придала этимъ явленіямъ вѣра, усматривается непосредственно въ самихъ явленіяхъ. Блескъ, исходившій отъ нихъ, не допускалъ разложенія общаго впечатлѣнія на детали, критическаго обсуждения различныхъ извѣстій. Поэтому въ преданіи не видѣли ни пробѣловъ, ни неровностей и противорѣчій, и все его цѣлое цѣльнымъ своимъ единствомъ дѣйствовало на цѣлое души.

Но вотъ пришла историческая критика и подчинила себѣ и эту область. Уже одинъ тотъ фактъ, что оно примѣнила здѣсь, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, тотъ же методъ, что и во всякомъ другомъ отдѣлѣ исторіи, явился противодѣйствіемъ дѣленію, которое до тѣхъ поръ господствовало въ умахъ: и священное и обычное были приведены къ одной плоскости и каждое стало трактоваться, какъ часть нѣкотораго большаго цѣлага. Но чѣмъ больше стремленіе это переходило въ работу, тѣмъ больше исчезалъ ореолъ, окружавшій до тѣхъ поръ лица и событія священной исторіи и ясный дневной свѣтъ обнаружилъ совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, которая прежде являлась нашимъ глазамъ. Теперь нельзя отрицать, какъ ошибочна была вѣра во многое, на чемъ мы увѣренно возводили зданіе, нельзя отрицать какъ далеко расходятся и даже противорѣчатъ другъ другу часто извѣстія и пониманія событий и словъ, и при томъ не во второстепенныхъ обстоятельствахъ, а въ самомъ главномъ. Но и тамъ, гдѣ была обрѣтаема въ результатѣ изслѣдованія то, что прежде считалось надежнымъ достояніемъ,—и тамъ замѣтна перемѣна.

Факты утратили ту непосредственность и самоочевидность, которая необходима для полной силы их действия. Факт установлен путем сложной разсудочной работы; мы принуждены были пройти через тяжелыя колебанія и сомнѣнія и только тогда приобрѣли его снова; такимъ образомъ онъ сталъ инымъ, чѣмъ былъ прежде для насъ. Это даетъ выгоду для познанія, но внутренне-далеко отодвигаетъ отъ насъ самый фактъ.

Къ этому присоединяется и то соображеніе, что видѣть вещь точнѣе и отчетливѣе въ области исторіи, значить отдѣлять ее отъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ если не совсѣмъ исключить ея непосредственное вліяніе на нашу жизнь, то все таки ослабить. „Здѣсь“ и „тамъ“ перестаютъ совмѣщаться въ общемъ пространствѣ существованія; одно нельзя больше разсматривать въ свѣтѣ другого, нельзя сливать „тамошнее“ съ собственной нашей жизнью или безъ колебанія переносить въ него свои особенности, какъ это бывало прежде. Какъ наивно, напр. эпоха возрожденія и нидерландскіе художники надѣляли святыхъ наружностью и одеждами своего времени и переносили ихъ такимъ образомъ въ среду своей собственной жизни! И теперь пытаются дѣлать это съ самыми лучшими намѣреніями, только дѣло не удается: нѣтъ твердой вѣры, погружающей божеское въ человѣческое и поднимающей человѣческое до божескаго. Соединить разныя времена можетъ только вѣчное, а это вѣчное у насъ, въ борьбѣ да въ сомнѣніяхъ, поблекло. Если и въ священной исторіи мы имѣемъ дѣло только съ человѣческимъ, то неизбѣженъ вопросъ—можетъ ли это временное, что внѣшнимъ образомъ такъ далеко отстоятъ отъ насъ, все же глубоко волновать нашъ внутренній міръ и оказывать намъ существенное содѣйствіе. Или же оно должно отказаться отъ своего религіознаго значенія?

Соединеніе фактовъ въ одинъ всеобъемлющій потокъ жизни грозитъ религіи еще большею опасностью. Мы видѣли, что историческая точка зрѣнія приближаетъ другъ къ другу божеское и человѣческое: отсюда недалеко и до того взгляда, что все, относимое прежде къ божескому сводится къ человѣческому. Религія, такимъ образомъ, становится лишь одною изъ частей общей культурной жизни и ничуть не возвышается надъ ея преходящимъ и измѣнчивымъ бытіемъ. Это прежде всего сказывается на ея абсолютности: этой абсолютности плохо приходится, а между тѣмъ религія не можетъ отъ нея отказаться, ея истина должна быть абсолютна. Вѣчное все больше и больше подпадаетъ власти времени и наконецъ совсѣмъ поглощается имъ. Этотъ процессъ проходитъ рядъ ступеней; но покуда не появится противодействія, возвышающагося надъ нимъ, все будетъ способствовать уничтоженію абсолютности. Сначала является мысль, что религія cadaго извѣстнаго времени должна провозглашать истину соот-

вѣтственную его особенностямъ; только тогда она можетъ съ полною силою дѣйствовать на него. Требованіе это, конечно, правильно, но не лишено и опасности, покуда не опредѣлены точнѣе границы между требованіями времени и требованіями религіи. Далѣе это требованіе увеличивается: религія вообще должна соответствовать обстоятельствамъ своего времени, должна обуславливаться его движеніемъ. Чтобы быть движущою силой нашей жизни, она должна получать форму свою не отъ мертваго прошлаго, а отъ живого настоящаго. Но времена мѣняются, мѣняются и требованія. Многое изъ того, что читлось раньше, сошло позже на степень чистаго суевѣрія. Кто поручится, что того же не случится и съ нашими собственными убѣжденіями? И если религія можетъ противодействовать своему времени, лишь какъ простое выраженіе этого времени—не является ли такое пожертвованіе вѣчною истиною, откажи отъ всякой направляющей и возвышающей силы религіи?

Такимъ образомъ полное подчиненіе религіи времени грозитъ обратить ее въ простую тѣнь и одну видимость. Но даже и это скромное существованіе оспаривается у ней. Натискъ историческаго воззрѣнія на вещи, со всѣмъ релятивизмомъ его, приводитъ къ вопросу, не есть ли религія во всемъ своемъ цѣломъ только преходящее явленіе, одна „историческая категорія“, одна изъ фазъ развитія, которую должно было пройти человѣчество и теперь уже, къ счастью прошло. Позитивизмъ подробнѣе формулировалъ это предствленіе. По ученію его, религія есть антропоморфическое толкованіе вселенной. Оно было необходимо въ самомъ началѣ человѣческаго развитія, чтобы привести жизнь духа въ движеніе по извѣстному руслу; но шагъ за шагомъ оно должно уступать научному объективному и позитивному мышленію и въ конечной побѣдѣ послѣдняго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Такимъ образомъ тѣ религіи, которыя существуютъ еще въ наше время—только остатки отдаленнаго прошлаго; нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ кажутся намъ странными. Такъ разсуждаетъ позитивизмъ. Хотя этотъ ходъ мысли принадлежитъ особой философской школѣ, но онъ далеко выходитъ за предѣлы ея и распространенъ въ обычной жизни. Относительное признаніе религіи, свойственное такимъ разсужденіямъ гораздо опаснѣй для нея, чѣмъ грубыя нападки восемнадцатаго вѣка, когда религію понижали до степени простой выдумки хитрыхъ властителей и обманщиковъ жрецовъ.

Такимъ образомъ историческая точка зрѣнія повидимому осуждаетъ религію на уничтоженіе. Съ перваго взгляда не видно, какъ же можетъ остановиться потокъ быванія, втягивающій ее въ себя и поглощающій. Но если бы врагъ религіи пожелалъ

такимъ путемъ окончательно отъ нея отдѣлаться и противопоставить исчезновенію ея, какъ нѣчто неприкосновенное, результаты культуры, это было бы ошибкой; онъ торжествовалъ бы преждевременно. Стоитъ только взглянуть на предметъ немного шире, нѣсколько углубить проблему и мы увидимъ, что часто временная точка зрѣнія колеблеть не одну религію; нѣтъ, она захватываетъ при этомъ всю жизнь цѣликомъ и подкапываетъ даже основы науки, — почву, на которой чувствовалось прежде такъ безопасно.

Обращеніе всей дѣйствительности въ одинъ потокъ быванія разрушаетъ всякую истину и всякое достоинство жизни; оно не сокращаетъ ихъ только, а необходимо приводитъ къ полному уничтоженію и изъ самой дѣйствительности дѣлаетъ одно быстро переходящее царство тѣней. Истина, — истина во всѣхъ смыслахъ слова, — возможна только тогда, когда мы поднимемся надъ временемъ, возможна только въ противовѣсь измѣнчивости времени. Если намъ нечего противъ поставить времени, то о томъ, что должно представляться намъ истиннымъ и справедливымъ, можетъ судить только человѣкъ и человѣческое мнѣніе; отпадаетъ всякое мѣрило, съ помощью котораго онъ могъ бы измѣрить свои силы и выйти за черту чистаго произвола и прихоти. Такимъ образомъ, уничтожается все неизмѣнное, прочное, и чѣмъ дальше заходитъ это уничтоженіе, тѣмъ больше время распадается на отдѣльныя мгновенія, тѣмъ больше истина эпохи становится мимолетнымъ мнѣніемъ момента. — Развѣ недостаточно мучительно пережить мы въ девятнадцатомъ вѣкѣ быстрые перевороты настроеній и оцѣнокъ? Взглянемъ только на исторію искусства. Какъ поспѣшно слѣдовали одна за другою волны измѣненій художественнаго вкуса, какъ скоро объявлялось заблужденіемъ и безмысліемъ то, что только что передъ тѣмъ привѣтствовали, видя въ немъ восхожденіе на новую высоту! Отъ отдѣльной личности ускользаетъ опасная сторона такихъ измѣненій, потому что человѣкъ думаетъ лишь о себѣ, да о мгновеніи. Именно теперь — кажется ему, — приобрѣтена полная истина. Что „современно“, то представляется гораздо высшимъ, чѣмъ все прочее. — Но пусть онъ помыслить немножко шире, пусть подумаетъ, что то, что нынче читается, какъ современное, скоро будетъ считаться пройденнымъ и преодоленнымъ, отжившимъ свой вѣкъ; но и съ побѣдившимъ теченіемъ будетъ тоже самое и такъ далѣе, и такъ далѣе, безъ конца. И несмотря на весь несказанный трудъ, не будетъ добыто ничего устойчиваго, ничего пребывающаго. Развѣ при этомъ не тщетна всякая работа? Развѣ можетъ предъ лицомъ такого ничтожества сохраниться какое нибудь побужденіе къ жизни, какая нибудь радость дѣятельности и творчества? И во что обратится тогда вся дѣйствительность, какъ цѣлое? Въ

простую смѣну положеній, въ поднятіе и паденіе, вспыхиваніе и погасаніе; ничего прочнаго, никакого смысла, никакого прироста въ цѣломъ. Обратившись въ чистую смѣну явленій дѣйствительность принимаетъ видъ чего то призрачнаго, чего то средняго между бытіемъ и небытіемъ. Все нанизано на тонкую нить быванія; что отпадаетъ съ нея — падаетъ въ бездну небытія, въ ничто, туда падаютъ всѣ блага и цѣли человѣчества. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ настоящей жизни, а одно желаніе жизни, страстное стремленіе и погоня за жизнью — навсегда обреченная на неудачу. Никто сильнѣй не чувствовалъ ничтожности подобной жизни, цѣликомъ поглощенной потокомъ быванія, чѣмъ индусы. Духи умершихъ — говорили они, — взываютъ къ живущимъ. „Мы были тѣмъ, чѣмъ вы теперь; вы будете тѣмъ, чѣмъ мы теперь“. Но развѣ не чувствуемъ и мы въ настоящее время все больше и больше внутреннее противорѣчіе, ничтожность такой жизни? Мы очень нерадостно настроены въ глубинѣ души, хотя извнѣ добились блестящаго успѣха: развѣ было бы это, если-бъ мы не стали терять смыслъ цѣлаго, если-бъ мучительно не чувствовали что нѣтъ прочной точки ни въ одномъ стремленіи, нѣтъ возвышающейся надъ мнѣніемъ истины.

Но именно само это чувство недостатка служитъ доказательствомъ, что мы не въ конецъ поглощены потокомъ быванія и мгновеніемъ. Если-бъ что то внутри насъ не побуждало возвышаться надъ мимолетнымъ моментомъ времени и не заставляло искать чего то большаго, чѣмъ удовлетвореніе этому моменту, если-бъ мы походили на однодневныхъ мухъ (подѣнокъ), мы, конечно, не чувствовали бы никакого недостатка. Но стремленіе къ прочному и неизмѣнному, къ вѣчному не есть одно смутное настроеніе, оно можетъ переходить въ поступокъ, въ дѣятельность. Объ этомъ свидѣтельствуетъ особенно отчетливо та наука, которая съ перваго взгляда казалась самымъ суровымъ противникомъ всего устойчиваго: объ этомъ свидѣтельствуетъ сама исторія, поскольку она принимается, какъ продуктъ характерной человѣческой дѣятельности и въ достаточной мѣрѣ отличается отъ того, что называютъ исторіей въ широкомъ смыслѣ слова. Историческій способъ разсмотрѣнія захватилъ въ послѣднее время и природу, въ связи съ теоріей эволюціи; но мы не должны упускать изъ виду, что исторія этого рода и исторія на высотахъ духовнаго міра — имѣютъ совершенно различное значеніе. Тамъ — въ теченіи времени происходитъ постепенное накопленіе дѣйствій, малое суммируется въ большое, столкновеніе и перекрещиваніе силъ производитъ сложныя и дифференцированныя образованія. Чтобъ отчетливо увидѣть это, надо только вспомнить современную геологію. Многое лежитъ позади насъ, въ прошломъ, и только обозрѣніе всего ряда можетъ сдѣлать для насъ вполне

понятнымъ современное состояніе вещей. Но сама природа не переживала этого ряда, какъ цѣлое; многообразіе его не превращалось въ особую жизнь; одно соединялось съ другимъ, но связь оставалась лишь чисто внѣшней.

Иное дѣло въ исторіи человѣчества, поскольку человѣкъ перешелъ предѣлы чистой природы и въ противовѣсъ ей строить царство культуры. Нѣтъ культуры, которая не стремилась бы не представлять извѣстныя событія дѣла, личности постепенному забвенію, а постоянно сохранять ихъ съ помощью извѣстныхъ усилий. Нѣтъ культуры, которая не предпринимала бы извѣстной борьбы противъ чистаго теченія времени и его разрушительныхъ дѣйствій. Сначала это можетъ ограничиваться простой передачей отдѣльныхъ замѣчательныхъ событій. Но потомъ закрѣпляются въ формѣ обычаевъ и продукты нашей внутренней жизни, религія, право и проч. и такимъ образомъ между отдѣльными эпохами получается извѣстная связь. Жизнь все меньше питается однимъ настоящимъ мгновеніемъ, настоящее все больше принимаетъ въ себя прошедшее и вмѣстѣ съ тѣмъ очищается отъ измѣнчивыхъ желаній и прихотей дня.

Но лишь тогда, когда исторія отрѣшится отъ жизни одного народа и распространится на все цѣлое человѣчество,—лишь тогда обработка ея человѣкомъ достигаетъ полной характерности. Тутъ становится очевиднымъ, какъ человѣчество объединяется нѣкоторою внутренней общностью, помимо всякихъ внѣшнихъ соприкосновеній, и какъ все движеніе человѣчества не исключаетъ извѣстнаго устойчиваго, неизмѣннаго элемента. Изъ мусора полузабытыхъ городовъ возникаютъ загадочные памятники прошлаго; темные отрывки писаній; несмотря на всѣ помѣхи, мы рѣшаемся на попытку разгадать ихъ смыслъ—и попытка имѣетъ успѣхъ. Что побуждаетъ насъ къ этому? И что доказываются этими памятниками? Не то ли, что духовная организація осталась одною и той же, что все движеніе временъ оставило неизмѣннымъ наше мышленіе, что насъ одушевляетъ все то же страстное желаніе счастья, что чувства и стремленія наши остались по существу тѣми же, какъ ни измѣнился ихъ внѣшній нарядъ? Но намъ недостаточно только понять прошлое. Мы хотимъ вынести изъ него,—именно съ высшихъ вершинъ его творчества,—полезное и для нашей собственной жизни. Стремимся мы къ этому, такъ какъ убѣждены, что на этихъ вершинахъ дѣйствительно проявилось нѣчто цѣнное,—такое, чего мы сами вызвать къ жизни не можемъ,—и что цѣнное это можетъ быть удѣлено и намъ. Мы понимаемъ и чтимъ высоты греческой культуры, начатки христіанства, зарю новаго времени и т. п. Какъ мы могли бы дѣлать это, если не были проникнуты убѣжденіемъ, что они не принадлежатъ чистому времени, что наоборотъ, тутъ

сквозь всѣ особенности временъ дѣйствуетъ нѣчто превышающее время, нѣчто, могущее сообщаться всѣмъ эпохамъ. Соединимъ всѣ эти отдѣльныя точки—и объ исторіи духовной жизни, о нашемъ отношеніи къ исторіи получится совсѣмъ иное представленіе, далекое отъ того, которымъ мы начали и которое угрожало своимъ релятивизмомъ существованію всякой истины. Исторія перестанетъ быть однимъ только движеніемъ во времени: она окажется преодоленіемъ чистаго времени, стремленіемъ воздвигнуть надъ временной борьбой и трудами царство истины, отдѣливъ преходящее отъ неизмѣннаго, старѣющееся отъ вѣчно юнаго,—примкнуть къ этому царству, какъ міру вѣчныхъ звѣздъ, нашу собственную жизнь. При такихъ обстоятельствахъ занятіе прошлымъ не есть бѣгство отъ настоящаго въ отдаленную чуждую эпоху, а наоборотъ, стремленіе пользуясь всѣми намъ данными эпохами достигнуть иного настоящаго, такого, которое возвышается надъ всякимъ временемъ. Если-бъ и въ своемъ и въ чужомъ не дѣйствовалъ одинъ и тотъ же порядокъ, если-бъ въ этотъ вѣчный порядокъ не простиралась бы глубочайшая основа человѣческаго существа, никогда бы въ чужомъ не найти намъ своего.

Но все, вѣчное подобнаго рода, все вѣчное, котораго мы ищемъ и находимъ; совершенно лишено опоры и не можетъ быть связано въ единое цѣлое, если не признать въ немъ нѣкоторой новой, въ себѣ самой сосредоточенной жизни и бытія. Это же возможно лишь тогда, когда получить полную самостоятельность духовная жизнь, какъ мы ее понимаемъ, т. е. жизнь духа, сосредоточенное въ себѣ бытіе и самобытная глубина дѣйствительности. Уже при первомъ взглядѣ на духовную жизнь не остается сомнѣнія, что должно считать всякую истину, всякое благо развивающіяся съ ней имѣющимъ значеніе независимо ни отъ какого времени. Если бы не было этого возвышенія надъ временемъ—духовное стремленіе не имѣло бы внутренней прочности и обратилось бы въ простое средство для человѣческихъ цѣлей. Оно тогда лишь можетъ имѣть въ виду особая свойственныя ему цѣли, тогда лишь можетъ дѣйствовать для внутренняго возвышенія человѣка съ особой свойственною мощью, когда существуетъ нѣчто, превышающее время. Мы, люди, можемъ понимать истину и добро самымъ различнымъ образомъ. Но если не считать, что эти сущности выше всякой измѣнчивости состояній человѣчества и человѣческихъ мнѣній, если не думать, что они—представители новаго, внѣвременнаго порядка, то будетъ убитъ самый внутренній нервъ всякаго къ нимъ стремленія. Чѣмъ больше мы будемъ хватывать духовную жизнь въ единое цѣлое и понимать ее, какъ новую ступень дѣйствительности, тѣмъ отчетливѣе видно, что въ ней выступаетъ, въ противовѣсъ

смѣнѣ и измѣнчивости временныхъ процессовъ, нѣкоторое въ самомъ себѣ обоснованное царство истины;—и только это царство, впервые даетъ человеческой жизни прочную основу.

Но вѣчный порядокъ, въ которомъ должно укорениться въ концѣ концовъ существо человѣка, не открывается глазамъ его сразу, во всей его широтѣ; только трудъ и борьба и историческій опытъ даютъ полнѣе раскрыться его содержанію. То, что служитъ основаніемъ жизни, образуетъ въ тоже время трудную, вѣрнѣе, самую трудную задачу жизни. Таковъ удѣлъ человѣчества. Въ исторіи раскрывается вѣчное; она всѣмъ цѣлымъ своего бытія является борьбою за вѣчное,—и это только придаетъ ей впервые цѣнность, и даже болѣе—впервые дѣлаетъ ее возможною въ свойственномъ человѣчеству смыслѣ. Все остальное—вся эта смѣна человеческого, паденіе и возвышеніе народовъ и людей,—несмотря на всѣ свои претензіи не заслуживали бы названія исторіи.—Всякое истинное изученіе исторіи при такомъ пониманіи является стремленіемъ за предѣлы чистой исторіи, отбрасываетъ все, что въ ней является чисто временнымъ. Это—проникновеніе въ ту глубину, въ которой создается внутренняя общность жизни, несмотря на всѣ различія и всѣ разстоянія времени. Такимъ образомъ мы не будемъ приковывать духовное движеніе къ одному опредѣленному пункту исторіи, какъ дѣлало старое воззрѣніе; но не станемъ также считать главнымъ въ исторіи движеніе отъ момента къ моменту и отъ отреченія отъ отношенія къ вѣчному, какъ дѣлаютъ въ новѣйшее время. Мы будемъ понимать цѣлое исторіи, какъ раскрытіе вѣчнаго порядка и черезъ всю область ея стремиться проникнуть къ этому вѣчному. Можно надѣяться, что такимъ образомъ отдано будетъ должное и времени, и вѣчности; не будетъ вражды между свободнымъ движеніемъ и его неизмѣнною основою, короче,—между свободой и глубиною; наоборотъ онѣ будутъ поддерживать другъ друга и другъ другу содѣйствовать.

Такимъ образомъ исторія духовной жизни требуетъ для своего существованія признанія вѣчной истины. Но тогда, значить, между исторіей и религіей отношенія могутъ быть болѣе дружественными, чѣмъ казалось до сихъ поръ. Прежде всего, конечно, несомнѣнно, что возвышеніе духовнаго творчества надъ временемъ достигаетъ особой силы и ясности въ религіи. Религія больше чѣмъ что бы то ни было охватываетъ жизнь въ одно цѣлое, ставитъ ее въ отношеніе къ цѣлому вселенной и направляетъ къ конечной цѣли; въ религіи больше чѣмъ во всемъ остальномъ опредѣляется отношеніе человѣка къ дѣйствительности. Именно въ ней и духовная жизнь достигаетъ вполне отчетливаго выраженія и въ то же время вся цѣпь смѣняющихся временъ должна служить одной сверхвременной цѣли. Но религіи присуще не только воз-

вышеніе надъ временемъ, а въ не меньшей степени и вступленіе во временные ряды. Божеское, не помрачая своего существа, съ живой силой присутствуетъ во временномъ и человеческомъ существованіи, являясь противоположностью къ ближайшему содержанию послѣдняго. Это—основная истина религіи, которую она живетъ, безъ которой падаетъ. Чѣмъ превесходнѣе высота божескаго, тѣмъ необходимѣе возвышеніе человѣка, тѣмъ необходимѣе, чтобы въ противовѣсъ понижающимъ впечатлѣніямъ чувственного и социальнаго опыта наглядно вырисовывалась вѣчная истина, какъ она раскрывается въ работѣ исторіи. Но въ тоже время и въ области религіи является свободное мѣсто для разнообразія и различія эпохъ, и получаетъ смыслъ историческое движеніе. Она не можетъ распространять дѣйствіе свое на человѣка, не вступая въ особую форму его существованія; вступая же въ нее и религія принимаетъ въ себя временной моментъ, должна участвовать въ измѣнчивости временъ; и она можетъ привести человѣка къ полному усвоенію своей истины только на почвѣ времени, постепенно. Однако, сущность религіи при этомъ вовсе не подпадаетъ власти времени. Исходя изъ своей сущности религія не перестаетъ провѣрять и разсматривать все, что предлагаетъ ей данная эпоха; непоколебимо увѣренная въ обладаніи истиной она противодѣйствуетъ всему, что отрицаетъ или измѣняетъ эту истину. Такимъ образомъ религія, несомнѣнно, формами проявленія должна соответствовать требованіямъ и условіямъ вѣка; но сужденіе о томъ, что въ этомъ беспорядочномъ смѣшеніи вѣка относится къ подлинной его сущности и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ предполагать нѣкоторое отношеніе къ истинѣ—это сужденіе необходимо присуще религіи, она не можетъ уступить его. Какъ для духовной жизни, такъ и для религіи, время можетъ имѣть одну лишь цѣнность: оно помогаетъ проявленію истины. Но въ этомъ смыслѣ оно для насъ цѣнное и неизбѣжное средство, ибо только благодаря историческому движенію мы можемъ вполне овладѣть тѣмъ вѣчнымъ, которое коренится въ нашей сущности.

Такой ходъ мысли дѣлаетъ вполне яснымъ, почему отдѣльные эпохи и отдѣльныя личности, могли достигать особаго значенія и непреходящей цѣнности, главнымъ образомъ въ религіи. Та доля духовности, которая обрѣтается въ существованіи человеческого, есть вообще лишь малый, незначительный придатокъ къ процессамъ иного рода; времена самобытнаго творчества—рѣдкіе праздники. Этотъ контрастъ съ обыденной, средней жизнью, достигаетъ въ религіи наивысшаго напряженія. Нигдѣ съ такой очевидностью не обнаруживаются предѣлы, за которые не можетъ переступить никакое накопленіе обыденныхъ, среднихъ дѣятельностей; нигдѣ не видно отчетливѣе, что великое есть непосред-

ственное вторжение, откровение высшего порядка. Конечно, великое находится в связи с известными историческими обстоятельствами, они ставят его в определенные условия, придают известный колорит страны и народности, помогают выработать особым свойственным ему образом ближайших формы проявления. Но духовная сущность великаго не становится от этого простым продуктом времени. Скорѣе она стоит в прямой противоположности вѣку, поднимает его на высоту, какой онъ безъ этого не достигъ бы. Исусъ не только проповѣдывалъ но и воплощалъ въ Себя,—въ эпоху жестокой партійной борьбы и переутомленной культуры глубокой миръ и дѣтскую чистоту. Тутъ великіе въ великомъ были не отдѣльные ученія, чувства и заповѣди: все это могло проявиться в жизни и помимо Христа. Если-бъ было такъ, то великое въ этомъ случаѣ могло бы казаться простымъ сочетаніемъ прежняго, какъ неустанно и доказываютъ мелкая мудрость и мелкое остроуміе.—Допустимъ на минуту, что это вѣрно, допустимъ, что здѣсь простое объединеніе прежняго,—и припомнимъ начатки христіанства. Какъ могло тогда изъ одного отдѣльнаго пункта выйти и распространиться такое могучее движеніе,—движеніе, отъ котораго рухнули старые идеалы и народились новые, потряслось и поколебалось прежнее равновѣсіе жизни? Малы стали прежнія мѣрила; могучее страстное стремленіе, бурная тревога охватили человѣчество и до сихъ поръ еще не могутъ улежаться, черезъ пространство тысячелѣтій. Развѣ это не доказываетъ, что тутъ раскрылись новыя глубины, въ потокъ влились новыя движенія; весь высшій порядокъ, цѣликомъ, сталъ удивительно близокъ и интименъ и въ то же время достигъ побѣдоносной силы и убѣдительности. Кто убѣжденъ, что возвышенная духовная жизнь обладаетъ полной самостоятельностью, кто, поэтому умѣетъ отдѣлять духовную сущность отъ временной формы существованія, тотъ вполне можетъ признавать временную обусловленность частныхъ при возникновеніи великаго, и постулировать полную свободу дальнѣйшаго его движенія. Но даже при наибольшей внѣшней отдаленности отъ этого великаго онъ будетъ сохранять тѣсную связь съ духовной сущностью и имѣть возможность получить отъ нея значительное содѣйствіе въ жизни. Живая сила стала присутствующей, духовная жизнь пришла къ характерному развитію въ особый, въ себѣ сосредоточенный міръ: нѣтъ ничего, что оказывало бы большее дѣйствіе въ области исторіи. Если мы убѣдились, что въ данномъ случаѣ явилось несравненное единство, свойственнымъ ему образомъ оформившее всю нашу жизнь—никакая рѣзкая историческая критика не подорветъ этого основнаго и исходнаго факта. Если критика пожелаетъ вывести это единство изъ множества, сосредоточенность жизни изъ ея окружающаго, творчество

изъ его условій; если она пропуститъ безъ вниманія, что собрать вмѣстѣ отдѣльныя полѣнья для этого костра не значитъ еще—добыть искру духа, который только и можетъ зажечь его—критика слишкомъ положится на свои силы и станетъ неправильною. Но вина этой ошибки лежитъ не столько на самой исторической критикѣ, сколько на отрицаніи самостоятельной духовной жизни; именно она ведетъ и къ приниженію и къ отрицанію прочаго. Втягивать все въ одну причинную ткань—значитъ уравнивая все существующее привести къ разрушенію не только религію, но и всякую духовность, превышающую природное, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушать и всякую духовную культуру.

Такимъ образомъ отчетливое отдѣленіе сущности религіи отъ формъ ея существованія позволяетъ намъ связать неизмѣнность вѣчной истины съ свободою историческаго движенія; вмѣстѣ съ тѣмъ достигается особое толкованіе исторіи подымающееся за предѣлы другихъ толкованій и надъ опасностями ихъ. Современное стремленіе исторически обосновать жизнь уже съ самаго начала грозило опасностію требованію полной самостоятельности духовной жизни; чѣмъ далѣе опасность становилась все больше и больше. Движеніе это хотѣло дать жизни болѣе широкое основаніе, чѣмъ давалъ вѣкъ просвѣщенія; оно хотѣло размѣстить мгновенья и индивидовъ въ болѣе широкіе и устойчивыя ряды, сдѣлать жизнь и дѣятельность болѣе насыщенными, болѣе индивидуальными и пестрыми. При этомъ молчаливо предполагалось, что исторія—царство разума и разумъ этотъ непомраченно открывается каждому, кто на встрѣчу ему несетъ открытую мысль и непредубѣжденную готовность принять его.

Съ теченіемъ времени разумность эта стала однако подвергаться все большимъ и большимъ сомнѣніямъ; да и въ самомъ взаимоотношеніи настоящаго и прошлаго начало обнаруживаться больше запутанности и сложности, чѣмъ предполагалось прежними воззрѣніями.

Ни одна эпоха въ исторіи духовной жизни не вырастаетъ спокойно и неизмѣнно изъ другой, какъ растутъ организмы. Тамъ, гдѣ духовная жизнь не возрождается все время вновь и вновь—вѣкъ быстро понижается и приходитъ въ упадокъ. Настоящее должно въ концѣ концовъ само создавать свою жизнь. Оно не наследуетъ какого-нибудь неизмѣннаго соотношенія съ прошлымъ, а само должно искать его снова и снова. Даже самая картина прошлаго со всѣмъ, что считается въ немъ цѣннымъ, получаетъ для каждаго настоящаго особый видъ, сообразно съ тѣмъ, что въ данное время признается истиной. Такимъ образомъ прошлое въ отношеніи къ духовной жизни еще не завершено. Движеніе настоящаго можетъ открывать и пробуждать въ немъ новое. Прошлое еще движется вмѣстѣ съ потокомъ.

Это возвышенное право настоящего,—того настоящего, которое стремится возвыситься надъ чистымъ мгновениемъ и направлено къ вѣвременнои истинѣ,—самымъ опаснымъ образомъ искажается чисто историческимъ образомъ мышления. Неизмѣримый потокъ отдѣльныхъ образовъ минувшаго и яркое настойчивое оживотворение ихъ оттѣсняетъ вопросъ объ истинѣ, содержащейся въ цѣломъ. Все, что дается намъ съ широкою дѣйствительностью, охотно считается разумнымъ и тѣмъ легче покоряетъ умы, что кажется, будто тутъ безъ всякаго напряженія съ нашей стороны раскрывается духъ и разумъ исторіи. Такимъ образомъ мы все больше и больше впадаемъ въ чисто воспринимающее состояніе, начинаемъ относиться пассивно, и наконецъ подвергаемся опасности утратить всякое стремление къ собственной жизни и стать услужливыми шлейфносами чуждыхъ намъ эпохъ. Съ помощью муравьиной работы и достойной изумленія ловкости человѣкъ переносится теперь въ давно минувшіе вѣка, старается понять ихъ мотивы, удостоверитъ права, мыслить и жить въ нихъ; они почти становятся нашей собственностью. При этомъ забывается, что какъ ни полезно все это для науки, но никогда не можетъ замѣнить собственную нашу жизнь; забывается, что тутъ вмѣсто полной и истинной жизни мы получаемъ только половинную, кажущуюся. Все преизбыточное богатство этого историческаго достоянія можетъ оставить внутреннее существо наше въ пустотѣ и нищетѣ. Вмѣсто вещей—образы, вмѣсто увѣренности—знаніе, вмѣсто личной жизни—ученость,—вотъ конечный результатъ всего этого. Таковъ расслабляющій историзмъ, который—и больше всего у насъ, нѣмцевъ,—придавливаетъ, ослабляетъ силу духовной жизни. Онъ тѣмъ опаснѣе, что самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ великими преимуществами нашего вѣка. Но о какой опасности въ этомъ отношеніи нельзя сказать того же?

Итакъ должно стремиться стать выше историзма, связаннаго съ отречениемъ отъ настоящаго. Двадцатый вѣкъ долженъ преодолѣть противоположность рациональнаго и историческаго мышления, представителями которыхъ являлись два послѣднихъ столѣтія,—преодолѣть путемъ развитія новаго типа жизни. Но возможно ли это, если не полагать въ основу исторіи нѣкоторый вѣчный порядокъ, и не считать ее раскрытіемъ этого порядка въ области человечества? Какъ иначе исторія можетъ быть и цѣнною для насъ и въ то же время не составлять главной нашей жизни?

Итакъ полное, безпрепятственное погруженіе въ исторію грозитъ жизни внутреннимъ усыплениемъ. Съ другой стороны тамъ, гдѣ признается дѣйствіе нѣкоторой сверхъ исторической истины въ исторіи, но приурочивается къ одному единственному

пункту послѣдней и отсюда уже распространяется на все остальное,—тамъ вырастаютъ опасности иного рода. Такой взглядъ былъ свойственъ всѣмъ прежнимъ формамъ религіи и больше и сильнѣе всего—христіанству. Онъ оказываетъ такое могучее дѣйствіе и на нашу собственную жизнь, что слѣдуетъ разобратъ здѣсь его поподробнѣе.—Этотъ старый взглядъ, ставящій все многообразіе въ зависимости отъ одного наивысшаго явленія, можетъ въ подтвержденіе свое сослаться на то обстоятельство, что религіи свойственъ особый видъ исторіи; она самымъ рѣшительнымъ образомъ исключаетъ непрерывное возвышеніе при помощи естественнаго развитія вещей. Въ настоящее время всѣмъ уже ясно, что созиданіе и формированіе религіи имѣло мѣсто только въ крайне немногихъ отдѣльныхъ пунктахъ. Для этого требовалось совпаденіе разныхъ причинъ и обстоятельствъ. Съ внутренней стороны—появленіе религіи происходило всегда въ связи съ энергическимъ подъемомъ, съ энергическимъ возвышеніемъ надъ современнымъ состояніемъ эпохи. Въ этотъ моментъ прорыва религія проявлялась съ наибольшей силой и выражалась съ наибольшею чистотою. Такимъ образомъ могло легко показаться, что главная задача послѣдующихъ временъ по возможности неизмѣнно удерживать достигнутую высоту, вновь и вновь возвращаться на нее послѣ неизбѣжныхъ для человѣка паденій, все вновь и вновь черпать изъ открывшейся здѣсь жизни, какъ изъ неизсякаемаго источника. Исторія могла представляться человѣку непрерывнымъ возвращеніемъ къ старой истинѣ, а не упорнымъ стремленіемъ къ новой. И дѣйствительно, обыкновенно первыя начатки религіи развѣ навсегда придавали ей особый, ей свойственный характеръ и навсегда опредѣляли главное направленіе дальнѣйшаго теченія.

Безспорно, во всемъ этомъ есть добрая доля истины. Только поверхностное мышленіе можетъ отрицать и затемнять отличіе исторіи религіи отъ исторіи, какъ естественной эволюціи. Но разбираемое нами воззрѣніе на исторію было бы вполне истинно лишь въ томъ случаѣ, если-бъ теченіе тысячелѣтій не вносило ничего новаго въ вопросы жизни, въ вопросы о сущности, которыми должна заниматься религія; если-бъ вся остальная жизнь представляла въ этомъ отношеніи только приливъ и отливъ чело-вѣческихъ мнѣній и настроеній, которые не могутъ оказать никакого дѣйствія на незыблемый утесъ истины. Эта неизмѣнная устойчивость должна бы тогда быть присуща не только духовному содержанію религіи, но и временной одеждѣ ея; или, вѣрнѣе, необходимо было бы отклонить всякое различіе между содержаніемъ и оболочкою религіи, какъ оскорбленіе божественнаго.

Такъ думали долго, но мы теперь не можемъ уже такъ думать. Раздѣленіе вѣчнаго отъ историческаго, сущности отъ существующаго проявленія сдѣлалось для насъ неизбѣжною необходи-

мостью, благодаря всей совокупности исторического мышления со свойственным ему точным рассмотрением явлений и резким разделением их. Мы не можем уже считать вечными и божественными даже первые начатки религии во всей их цельности; необходимо и в них отыскать и выделить вечное и божественное, — иначе, в слепом благоговении пред ними можно смешать человеческое с божеским и вечное с временным, и повредить таким образом тому, что хотели бы поддерживать на должной высоте.

Эти соображения получают еще большую силу, если религию поставить в тесное отношение ко всему целому духовной жизни, — необходимость чего уже мы выяснили; они подтверждают, если признать, что вместе с ходом истории в действия духовной жизни среди человечества замечается развитие, являются новообразования. Пусть эти новообразования не захватывают всей широты нашей жизни, пусть сначала действуют лишь в виде требований или возможностей: даже тогда, когда они являются только вопросами и задачами, им присуща могучая власть, — не столько власть над индивидами и массами, сколько над комплексами духовной работы и всем ее целым. Последняя все больше и больше отрешалась от человеческой субъективности и теперь никогда уже не возвратится под власть ее. Все это развитие, все эти новообразования в их целом приводят к всемирно-историческому фазису духовной работы. Конечно, отдельные лица могут игнорировать все это; но тот, кто хочет увеличивать духовное достоинство человечества и возвысить человека, — тот должен с этим считаться.

Поэтому, если со времени основания какой нибудь религии в формах душевной человечества произошли существенные перемены, то, поддерживая неизменными старыми особенностями ее, соединяя таким образом вечное, в котором нуждаемся, с временным, которое должны отбросить, мы принесем этой религии величайший вред. Подняться над временным нас побуждают не простые мнения и склонности человеческие, не простое неверие и сомнение, а необходимость духовной жизни; уйти от нея мы не в силах. Связь с временным легко приводит к сужению жизни, подавляет нашу уверенность и делает чуждым то, что должно бы быть самым к нам близким. Главная опасность однако в другом, — в разности и разрыве между религией и духовной работой. Религия грозит все большее и большее отставание от хода духовной работы и наконец совершенное отпадение от нея. Тогда она легко может показаться продуктом низшей ступени жизни, уже пройденной всемирно историческим движением человечества;

тогда ее легко счесть произведением чисто человеческого, которое не может держаться на почве духовной жизни. — Происходили ли решительные перемены в религиях, — особенно в христианстве, — после того как они приняли устойчивые формы? Этот вопрос касается фактов и решить его может лишь опыт. Последний с полной очевидностью решает его в утвердительном смысле. Эволюция современной культуры не только переменяла многое в отдельных частностях христианства, сравнительно с начальной его стадией, но и совершенно изменила весь целиком общий вид жизни и работы.

Во-первых сильно изменился мир мысли. Последние столетия совершенно изменили представление о природе, об истории, самом человеке с его душевной и духовной жизнью. При этом все новое, что давала многообразная работа этих веков, соединяясь вместе обусловило могучее расширение мышления и жизни, энергической подъем всех понятий в область великого и космического. И расширение это не только внешнее. Сначала, действительно, человеческую мысль сильно занимает новооткрытая беспредельность внешнего, видимого мира и соответственно выясняющаяся ничтожность области человеческого существования. Но потом происходит более глубокое внутреннее изменение: резко и отчетливо выделяется духовная работа и начинает находить непосредственные формы человеческой жизни слишком ничтожными для своих задач; чистой смирной состояний субъекта она противопоставляет действие и творчество из необходимости свойственной духовным комплексам, из самораскрытия всей духовной жизни. Этим затрагивается самое внутреннее зерно духовной жизни. — Пренные времена искали его в живом соотношении личности — и притом личности, мыслимой по человеческому образцу, — с другой личностью. Развивавшаяся благодаря этому внутренняя глубина чувства принималась за душу действительности. Но новые движения и перемены возрели стали самым жестоким образом оспаривать такое центральное положение личности и личной жизни. Они настаивают на расширении жизни и находят его в идее безличного процесса, двигательной силой которого является вещественная необходимость. Естественный это процесс, или духовный, все равно. Ему должна служить вся работа человечества. — Человек, так долго с боязнью сторонившийся от окружающего мира, теперь хотел бы стать в близкое отношение к нему, принять непосредственное участие в мировой работе: вот тот элемент истины, который лежит в основе часто неопределенных и неясных пантеистических направлений нашего времени; он то и дает им власть над современниками. При таком направлении мышления дело не ограничивается уже тем, что многое, считавшееся прежде в старой религии

чистішим вираженієм божественної істини починає казатися антропоморфическим і міфологическим измышленієм. Нїтъ, вся прежняя релігія і великомъ представляється слишкомъ узкой і слишкомъ мелкой. Мышленіе со стихійною силою стремится вырватися із ея предѣловъ. Пусть въ этомъ движеніи къ широтѣ, къ великому, со двойственнымъ ему затемнѣніемъ этическихъ задачъ, многое проблематично; пусть наряду съ духовно необходимымъ въ него входятъ часто въ высшей степени сомнительныя толкованія самого человѣка: уже одна постановка самой проблемы лишаєтъ возможности удержати релігію въ прежнемъ видѣ. Никакой трудъ, никакое остроуміе защиты не сохраняєтъ къ ней интереса и живого чувства въ человѣчествѣ. А отъ нихъ релігія не можетъ отказаться.

Но со времени первыхъ дней христіанства потерпѣлъ рѣшительныя измѣненія не одинъ міръ мысли. Самое чувство жизни, которое одушевляєтъ наши стремленія и владычествуєтъ надъ нашимъ отношеніемъ къ окружающему, — и оно стало другимъ. То было усталое и сомнѣвающееся въ своихъ силахъ человѣчество; то было время упадка, на почвѣ котораго стремилось дѣйствовать и формироваться христіанство. Душа жаждала тогда не свободнаго движенія, а прочнаго мѣста для остановки, не стремленія впередъ и борьбы, а покоя и мира; не самостоятельности и личной отвѣтственности, а надежной вѣры и облегченія бремени. Христіанство пошло навстрѣчу тогдашнему человѣчеству и это должно было придати релігіи своеобразную форму и своеобразный оттънокъ эпохи, несмотря на все противодѣйствіе и борьбу его съ послѣдней. Съ одной стороны организація и авторитетъ, съ другой подчиненіе и благоговѣніе. Жажда чувственнаго воплощенія сверхчувственной істини, упоеніе чудеснымъ, непостижимымъ, магическимъ; преобладающій пассивный характеръ релігіозной жизни несмотря на все прилежаніе къ труду.— Мы знаемъ, какъ, измѣнилось все это въ новое время. Бодрая свѣжесть жизни, радостное влеченіе къ дѣйствованію и къ творчеству, къ движенію впередъ и измѣненію, къ самостоятельности и къ отвѣтственности за себя—все это пришло къ человѣчеству. Это движеніе охватываетъ всю нашу жизнь—оно не можетъ не затронуть и релігіи. Неизбѣженъ конфликтъ со старой формой послѣдней. Если релігія связала съ формой всю свою сущность—то должна раздѣлится и то крушеніе, которое претерпѣваетъ форма. Если же признати что во всемъ этомъ движеніи есть истинное, и что истинное это должно пересадити и на почву релігіи, возникаетъ требованіе активной переработки формъ релігіи, необходимость очень глубокаго преобразованія. — Уже релігія бралась за эту задачу, но она не довела ее до конца. Безспорно, она обрѣла новое чувство жизни, извлекла его изъ

самыхъ глубинъ, изъ которыхъ истекаетъ жизнь; но въ развитіи и раскрытіи міра мыслей во многомъ осталась при старомъ. И вотъ теперъ, при новомъ пробужденіи релігіозной проблемы, снова возникаетъ это требованіе; во всѣхъ исповѣданіяхъ проходить нитью страстное стремленіе къ большей дѣятельности, къ большому раскрытію силъ въ релігіи. Но исполненіе этого желанія не такъ просто, какъ кажется инымъ. Для этого недостаточно, придати большее движеніе субъекту, возбудити въ немъ большую теплоту настроенія. Истинная активность невозможна безъ преобразованія всего состоянія релігіи цѣликомъ. Здѣсь мы стоимъ передъ великими всемірно-историческими задачами, окончательное рѣшеніе которыхъ ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ. Но одна уже работа надъ ними ставитъ релігію въ лучшее отношеніе къ всемірно-историческому фазису духовной жизни.

Христіанство можетъ открыти себя для подобныхъ всемірно-историческихъ движеній вовсе не отказываясь отъ обладанія возвышающей надъ всѣми движеніями істини. Но это мы покажемъ далѣе. Теперъ же мы должны обратити вниманіе на то обстоятельство, что условіемъ въ данномъ случаѣ является именно такое пониманіе и трактованіе історіи, какое было развито нами выше. Если історія имѣетъ сверхъисторическую основу, если въ ней не столько цѣнно то, что дается непосредственнымъ общимъ впечатлѣніемъ, какъ то, какое духовное содержаніе проявляетъ въ ея процессѣ свои дѣйствія—тогда мы не можемъ съ готовностью принимать, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, все, что дается прошлымъ. Мы сами должны обсуждати и разбирати содержаніе історіи; мы должны установити прежде всего внутреннюю общность между „здѣшнимъ“ и „тамошнимъ“, и собственнымъ трудомъ добыти почву на которой могло бы плодотворно соприкасаться прошлое съ настоящимъ. Главный пунктъ духовной работы всегда настоящее. Все, что изъ неизмѣримаго богатства історіи хочеть вступить въ связь съ духовной жизнью, должно отбросити характеръ чего то исключительно минувшаго, должно показати намъ себя продолжающимъ дѣйствовать. Но такого рода настоящее не дается въ удѣлъ само собою, его приходится добыти духовной работой, преодолевая власть чистаго мгновенія. Поэтому необходима усиленная дѣятельность; самымъ рѣшительнымъ образомъ исключается всякое беспомощное стремленіе вдаль и пассивная покорность, бѣгство изъ настоящаго въ область минувшаго.— Отсюда ясно, что історія можетъ быти помощницей намъ только въ той мѣрѣ, въ какой мы приложили къ ней духовную силу; ясно, что духовную жизнь мы развиваемъ не изъ історіи, а лишь на ея почвѣ; очевидно наконецъ, что величайшее въ історіи, и въ релігіи, чтится нами не ради него самого, а какъ раскрытіе и постоянное хранилище вѣчной істини. Еслибъ было иначе,

такое почитаніе казалось бы намъ не служеніемъ Богу, а служеніемъ людямъ.

Но необходимо предпосылкой всего этого является непосредственная наличность вѣчной истины на всемъ протяжении исторіи; возможность каждую минуту перенестись къ вѣчной истинѣ изъ потока измѣнчиваго быванія. Это является рѣшительнымъ разрывомъ съ прежнимъ взглядомъ, который приписывалъ всю полноту вѣчнаго одному единственному пункту исторіи и сводилъ задачу всего дальнѣйшаго ея теченія къ необходимости твердо держаться этого пункта и подражать ему. Нельзя, конечно, отрицать, что этимъ активность наша стѣснялась. То, чтó мы не сами созидаемъ и формируемъ, чтó можетъ существовать и дѣйствовать безъ нашего рѣшенія,—никогда не захватить всю силу нашего существа. Поэтому и въ христіанствѣ — покуда оно выдерживало борьбу съ враждебнымъ міромъ — возникла и существовала мысль, что силы всѣхъ объединены одной общей работой; каждый на своемъ мѣстѣ и своей личной дѣятельностью обязанъ проводить потокъ жизни дальше и дальше. По мнѣнію Оригена, руководящаго мыслителя восточной церкви, въ Исусѣ началось полное соединеніе, „сотканіе“, божественной и человѣческой природы. Человѣческая природа благодаря такому общенію стала божественной не въ одномъ Исусѣ, а во всѣхъ, кто принимаетъ открытую Имъ жизнь. Истинный послѣдователь долженъ не только вѣрить въ Христа, а самъ стать Христомъ и служить спасенію братьевъ своею жизнью и страданіями. Но христіанство побѣдило — и этотъ ходъ мысли исчезъ изъ церковной жизни. Если религія должна пріобрѣсти тотъ активный характеръ, на которомъ намъ теперь приходится настаивать — необходимо вновь принять это воззрѣніе, приспособивъ его къ измѣнившимся условіямъ и придавъ новую форму; необходимо снова признать въ раскрытіи религіи постоянно длащеся, всѣмъ намъ общее дѣло.

Всякое увеличеніе активности, какого можно ждать отъ этихъ измѣненій, является въ тоже время повышеніемъ универсальности жизни, широты и свободы движенія мыслей. Какъ могли бы мы стремиться поверхъ всѣхъ особенностей отдѣльныхъ временъ къ всеохватывающей истинѣ, какъ могли бы стремиться утвердить на ней свою жизнь, если бы не признавали, что есть нѣчто, возвышающееся надъ отдѣльными временами, если бы не считали всего многообразія эпохъ простымъ раскрытіемъ этого возвышеннаго? Отличительный признакъ вѣчнаго не въ томъ, чтобы какое нибудь явленіе оставалось совершенно неизмѣннымъ наперекоръ всякой смѣнѣ временъ. Вѣчно то, что можетъ войти во все многообразіе временъ не затериваясь въ немъ и оказывать на нихъ свое возвышающее вліяніе; то, что можетъ

надъ ними властвовать, во всѣхъ ихъ дѣйствовать, освобождая каждое данное время отъ власти чистаго времени.

Въ виду всего этого, нѣчего бояться, что развитое нами воззрѣніе приведетъ къ блѣдной и лишенной содержания общности, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ постепенно и духовная жизнь. Основу его составляетъ не абстрактное бытіе, а реальная самобытная, самососредоточенная жизнь; многообразіе объединяется характеромъ этой жизни, ея содержаніемъ, совокупнымъ развитіемъ, а не формулами и ученіями, отрѣшенными отъ содержанія. Конечно, жизнь эта, какъ жизнь духовная, необходимо связана съ извѣстными вѣрованіями относительно дѣйствительности, а они должны превратиться въ ученія; но такія ученія имѣютъ цѣнность лишь какъ воплощенія духовной жизни и какъ таковыя могутъ сколько угодно измѣняться. Это не подвергнетъ сомнѣнію истину обосновывающей жизни.

Увеличеніе универсальности и активности приведетъ къ большей простотѣ и непосредственности религіозной жизни, далекой отъ того, что обыкновенно наблюдается вокругъ насъ. Истина религіи должна быть такова, чтобы каждый могъ вполне сдѣлать ее своимъ переживаніемъ; усвоеніе ея должно раскрыть челоуку внутреннѣйшее зерно его собственнаго существа: это чрезвычайно важное условіе мощнаго дѣйствія религіи и побѣдоноснаго достиженія ея цѣли. Согласно основному вѣрованію религіи внутреннему существу души могутъ раскрыться самыя тайныя глубины мірового процесса и стать собственнымъ достояніемъ челоука. Безъ этого вѣрованія религія не могла бы стать центральной силой жизни. Существенное и необходимое должно быть въ тоже время и непосредственно переживаемымъ. При этомъ существенное надо не смѣшивать въ одно цѣлое съ побочнымъ, несущественнымъ, не надо связывать съ нимъ — иначе оно не проявитъ своего полнаго дѣйствія; его должно рѣзко отдѣлить отъ прочаго и требованія его выдѣлить съ полной отчетливостью. Но именно въ христіанствѣ тутъ царитъ великая запутанность, и сложность обусловленная какъ природой его, такъ и исторіей. Въ слѣдующей главѣ мы удостовѣримся, что христіанство охватываетъ жизнь въ широчайшемъ ея объемѣ, съ самыми глубокими ея противоположностями. Уже поэтому его далеко не такъ удобно охватить простою формулой какъ прочія религіи. Если несмотря на это по отношенію къ христіанству необходимо настаивать на простотѣ, то простота здѣсь имѣется въ виду особаго рода, и близить намъ свои особая задачи. Кромѣ того многое, что было важно людямъ въ прошлыя времена и представляло для ихъ взора вѣчныя истины, стало теперь трудно понимаемымъ и теченіемъ исторіи далеко отодвинуто отъ насъ. Напримѣръ, и въ наше еще время энергически защищаютъ единосущность Бога-Сына; но этому догмату

нельзя уже придать того первенствующаго, господствующаго въ религиозной жизни положенія, которымъ онъ пользовался когда-то. Историческій составъ христіанства сталъ, такимъ образомъ, слишкомъ многослойнымъ, переполненнымъ множествомъ подробностей; къ нему пристало много получуждаго, такого, что становится больше и больше обременительнымъ и дѣлается серьезной помѣхой. Если религія должна посвятить всю силу свою вѣчной истинѣ и привлечь каждое отдѣльное лицо къ сотрудничеству въ своей работѣ — она должна отбросить все это лишнее, Сумятица настоящаго и нужды его достаточно отчетливо требуютъ такого обновленія. Такимъ образомъ нужна борьба за болѣе рѣзкое отдѣленіе главнаго отъ побочнаго, за выработку характеристическаго единства жизни, охватывающаго въ одно цѣлое все свое и исключющаго все чуждое. Стремленіе къ этому мы можемъ получить только отъ духовной жизни возвышающейся надъ простымъ временемъ и чистой человѣчностью, — отъ жизни, которая можетъ привести въ правильное соотношеніе и время, и вѣчность. — Теперь мы займемся вопросомъ, изъ чего состоитъ это характерное единство? Существуетъ ли и сіяетъ ли оно отчетливо намъ навстрѣчу среди запутанности, свойственной человѣческой жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ въ тоже время рѣшеніемъ другаго вопроса: можно ли провести на дѣлѣ развитое выше пониманіе времени и вѣчности? Можетъ ли религія преодолѣть измѣнчивость времени? или же измѣнчивость эта захватываетъ и ее въ свой потокъ, а, значить, и уничтожаетъ?

III. СУЩНОСТЬ ХРИСТІАНСТВА.

Кто берется въ наше время за изслѣдованіе сущности какой нибудь религіи, — въ томъ числѣ и христіанства, — тому приходится одолѣть не мало сомнѣній. Вѣдь такъ легко при этомъ втиснуть неизмѣримое богатство жизни въ рамки шаблона, такъ трудно кажется найти настоящій путь между неопредѣленной всеобщностью и окаменѣлою частной формой какой нибудь религіи! — Конечно, это вѣрно, опасности этого рода безусловно существуютъ. Но сама задача настолько необходима и важна, что отъ нея не могутъ насъ отпугнуть никакія опасности. [Во-первыхъ ее принуждаютъ поставить тѣ многочисленныя нападенія, которыя приходится теперь выдерживать христіанству.] Въ умахъ многихъ современниковъ царствуютъ самыя превратныя, плоскія, часто прямо ошибочныя представленія. Они приводятъ къ изумительнымъ сужденіямъ. Нельзя бороться противъ нихъ, не сознавая вполне отчетливо, что именно надо защищать. — Кроме того и намъ, друзьямъ христіанства, очень важно подумать объ основной, глубочайшей его сущности. Насъ положительно затопляетъ все возрастающая развѣтвленность работы, особенно же расширеніе области историческаго изслѣдованія. Если отдаться безъ сопротивленія потоку этихъ впечатлѣній, мы дойдемъ до состоянія полувѣры и закончимъ, въ концѣ концовъ, разрушительнымъ релятивизмомъ какъ уже выснено въ предыдущей главѣ. Такимъ образомъ намъ должно съ радостью встрѣчать всякое противодѣйствіе этому потоку. Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ выступленіе Эрнста Трельча (Ernst Troeltsch), духовнаго вождя юнаго поколѣнія нѣмецкихъ богослововъ, выдвинушаго со свойственными ему глубиной и энергіей, этотъ вопросъ на первый планъ въ сочиненіи „Абсолютность христіанства“.

Мы не можемъ прослѣдить въ настоящемъ изслѣдованіи проблему до послѣднихъ основаній, какъ сдѣлалъ Трельчъ. Цѣль наша скромнѣе. Мы надѣемся посодѣйствовать до нѣкоторой степени рѣшенію проблемы, продолживъ при разборѣ ея тотъ же ходъ мысли, который развили въ предыдущихъ главахъ. Поста-

раемся при этом отчетливо выдѣлить особенности христіанства по сравненію съ другими религіями.

Кто стремится познать сущность какой-нибудь отдѣльной религіи и исходитъ при этомъ изъ проблемы духовной жизни, тотъ не станетъ искать ее въ чемъ нибудь сокровенномъ, лежащемъ по ту сторону явленій, не будетъ также и выставлять никакихъ абстрактныхъ формулъ. Онъ просто будетъ стремиться охватить многообразіе проявленій жизни въ одно цѣлое, свести его къ одной движущей основѣ, освѣтить изъ одного господствующаго центрального пункта. Онъ долженъ стараться глубоко проникнуть въ эту жизнь, уразумѣть ее въ самомъ корнѣ, понять все, что дается намъ опытомъ, какъ ея дѣйствіе. Ученія, учрежденія, настроенія все это цѣнно лишь какъ ея проявленія: въ какой степени они полезны для духовной жизни, въ такой имѣютъ значеніе для изслѣдователя. Само по себѣ все это не составляетъ сущности религіи, а потому не можетъ претендовать и на какую нибудь неприкосновенность. Наоборотъ тутъ должна быть полнѣйшая свобода для всякихъ измѣненій, какихъ требуетъ развитіе духовной жизни на почвѣ челоуѣчества. Подъ жизнью здѣсь, конечно, разумѣется не совокупность состояній простого субъекта; жизнь — объединенный внутренній процессъ, самососредоточенная связность внутреннихъ явленій, раскрытіе особенной, духовной дѣйствительности. Характеръ, который приобрѣтаетъ эта жизнь, цѣль, которую она преслѣдуетъ, обуславливаются ея отношеніемъ къ нѣкоторой абсолютной жизни и они то главнымъ образомъ и отличаютъ отдѣльныя религіи другъ отъ друга, они то и формируютъ каждую особую религію. Чѣмъ больше жизнь, заповѣданная данной религіей, приводитъ наше существо къ его послѣднимъ глубинамъ, чѣмъ больше она въ силахъ принять въ себя движеній и противоположностей присущихъ нашему опыту, тѣмъ болѣе властной можно считать ее и законченной; тѣмъ больше истины найдемъ мы въ понятой, такимъ образомъ, сущности религіи. Въ виду этого постараемся сначала уразумѣть особую сущность христіанства, обозрѣвъ совокупность данной имъ жизни, а затѣмъ прослѣдимъ какъ выказало себя христіанство въ исторіи.

При первомъ взглядѣ на пестроту челоуѣческихъ дѣйствій и стремленій можетъ показаться, что тотъ, кто исходитъ изъ процесса духовной жизни, долженъ имѣть дѣло съ безграничнымъ богатствомъ явленій. Въ дѣйствительности это не такъ. Намъ необходимо будетъ обратить вниманіе лишь на очень ограниченное число возможностей. Слова Лейбница о природѣ, — что принципы ея просты, а примѣненіе ихъ даетъ неизмѣримое богатство явленій — вѣрны и по отношенію къ основнымъ формамъ духовной жизни. Существуетъ очень немного отчетливо выраженныхъ

типовъ, въ границахъ которыхъ движется наша жизнь; намъ придется выбирать изъ немногаго. Поэтому не будетъ трудно притти къ опредѣленному рѣшенію.

Возникаетъ вопросъ, въ чемъ же именно всего отчетливѣе выражается различіе этихъ разныхъ формъ жизни? Направленіе, въ которомъ надо искать отвѣтъ, указывается самою общей проблемой религіи. Насъ побуждаетъ къ религіи неудовлетворенность существующимъ состояніемъ міра, невыносимость этого состоянія. Мы надѣемся, что религія дастъ намъ нѣчто такое, чего мы не можемъ получить отъ міра въ настоящемъ его состояніи — и отъ чего однако нельзя намъ отказаться. И тутъ то возникаетъ вопросъ: въ чемъ же именно мы чувствуемъ недостатокъ, нарушеніе, извращеніе существованія, при которомъ покой для насъ невозможенъ? Возникаетъ однимъ словомъ проблема зла. Въ ней то всего больше и расходятся какъ отдѣльные умы, такъ и религіи. Она является для нихъ пробнымъ камнемъ. Въ ней, больше чѣмъ гдѣ либо можно выразить всю сущность даннаго типа жизни въ одномъ вопросѣ и отвѣтѣ.

Религіи, поскольку онѣ вообще достигаютъ самостоятельности среди прочей духовной жизни и развиваютъ особую свойственную имъ работу, — распадаются на два главныхъ типа: на религіи законополагающія (Gesetzesreligionen) и религіи искупленія. Первый типъ религіи не разрываетъ вполне съ міромъ и не требуетъ совершенно новаго по свойствамъ бытія. Религіи этого типа отмѣчаютъ въ мірѣ опыта только недостатокъ нравственнаго порядка, справедливости, отречься отъ которыхъ кажется невозможнымъ. Необходимымъ условіемъ для осуществленія всего этого признается наличность особой возвышенной власти, судящей и воздающей должное. Изъ этого порядка вѣчной справедливости онѣ выносятъ людямъ строгія заповѣди, исполненіе которыхъ обѣщаетъ преизбыточную награду здѣсь или по ту сторону земнаго существованія, а нарушеніе — суровыя наказанія. Въ томъ, что челоуѣку присуща сила дѣлать добро и избѣгать зла — не поднимается никакого сомнѣнія. Для того, чтобы стать на правый путь челоуѣческимъ стремленіямъ нужно только поощреніе, подкрѣпленіе, надежное руководство.

Въ религіяхъ искупленія движеніе выходитъ далеко за предѣлы такого пониманія проблемы и функций религіи. По ихъ вѣрованіямъ суть не въ томъ, что въ мірѣ опыта недостаетъ того или этого, — отдѣльныхъ частныхъ. Весь міръ худъ, весь онъ чуждъ порядка и неразуменъ. Прочность и цѣнность можетъ быть дана жизни только полнымъ освобожденіемъ отъ міра, совершенно новымъ, до самыхъ основаній новымъ порядкомъ вещей. Такимъ образомъ постепеннаго усовершенствованія недостаточно, а необходимо полное превращеніе. — Только при такомъ возрѣнн

проблема религии получает всепокоряющую силу. Здесь противопоставляется одному миру другой миръ. Всякая работа кажется напрасной, всякое приобретение кажущимся, если не удалось восхождение къ новому порядку и недостигнуто вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе въ новое существо. Проблема здѣсь выше и труднѣе и законополагающія религии являются по отношенію къ религіямъ этого типа просто предварительными ступенями.—Но и въ самихъ религіяхъ искупленія выдѣляются два основнымъ образомъ различающихся типа—индійскій и христіанскій. Въ религіяхъ перваго рода къ разрыву съ наличной дѣйствительностью побуждает самое существованіе міра, самая форма мірового процесса; въ религіяхъ втораго рода—особое настоящее состояніе міра.—Миръ для индусовъ—царство преходящаго бытія и чистой видимости. Нѣтъ въ немъ ничего устойчиваго, значить нѣтъ и устойчиваго счастья. Мы страстно жаждемъ чего нибудь,—достигли схватили и оно ужъ растаяло и вытекаетъ изъ рукъ. Всякая жизнь—страданіе: она принимаетъ эту видимость за истину, она привязывается къ ней сердцемъ, тратитъ на нее свои чувства—и все вновь и вновь подвергаетъ себя горькимъ разочарованіямъ безъ надежды, что когда нибудь станетъ иначе и лучше. Необходимо освобожденіе отъ всей этой ничтожной иллюзіи. Освободить же можетъ только основательное постиженіе ея,—постигненіе всею душою, всѣмъ существомъ. Если оно достигнуто—всякое стремленіе къ подобному міру рухнетъ, бурная жажда жизни погаснетъ совершенно.—Что же приобретаетъ такимъ путемъ?—Приобрѣтается не столько царство счастья, царство положительнаго, сколько состояніе полнѣйшаго покоя, погасаніе всѣхъ аффектовъ любви и страданія. Человѣкъ приходитъ къ состоянію чистой пассивности, въ видѣ ли сна безъ сновидѣній, какъ учили брахманскіе мудрецы, или въ видѣ полнаго уничтоженія, нирваны древнихъ буддистовъ. И тамъ и здѣсь миръ съ его тревогами исчезаетъ передъ силою созерцанія; на все существо нисходитъ спокойствіе; наступаетъ великое облегченіе, ибо отпали тяжкія оковы, созданныя заблужденіемъ,—или, по буддійскимъ воззрѣніямъ, въ конечномъ итогѣ желаніемъ жизни, „жаждою“.

„Кого она побѣдитъ, жажда презрѣнная разливающая ядъ свой по всему міру,—страданіе того растетъ, какъ растетъ трава. Кто ее побѣдитъ, жажду, презрѣнную, которой трудно избѣжать въ этомъ мірѣ,—съ того спадаетъ страданіе, какъ капля воды съ цвѣтка лотоса“.

Настроенія эти, звучація намъ изъ индійскихъ вѣрованій захватываютъ своей простотой и истинностью. Но, несмотря на это, отъ насъ не можетъ укрыться, какъ многого недостаетъ въ такихъ вѣрованіяхъ, какъ много мы теряемъ принимая ихъ. Тонъ жизни сплошь пониженъ, отъ нея отнято всякое сильное дви-

женіе, отсутствуетъ идущая на встрѣчу ближнимъ и дѣятельная любовь и каждый можетъ пережить рѣшительное обращеніе въ жизни только для самого себя; поэтому здѣсь не достигается общаго внутренняго міра, нѣтъ рѣшимости начать общую борьбу противъ неразумности существованія. Несмотря на всю субъективную мягкость настроеній этой жизни—въ цѣломъ она холодна до чрезвычайности. Ей недостаетъ всей теплоты личной жизни. и личности, сила ея—больше въ отрицаніи, чѣмъ въ утвержденіи,

Жизнь на почвѣ христіанской религии представляется совсѣмъ иною и обусловлена несравненно болѣе положительными аффектами. И здѣсь также рѣзкое отрицаніе міра—но не просто міра, во всемъ его объемѣ, а только особаго состоянія міра. Состояніе же это обусловлено не необходимостью природы, и не простымъ заблужденіемъ чловѣчества, а свободнымъ дѣйствіемъ чловѣка. Зло—извращеніе добра; потому не слѣдуетъ отвергать бытіе, какъ таковое и умерщвлять въ корнѣ стремленіе къ жизни. Остается надежда, что зло, возникшее изъ свободнаго поступка, можетъ быть и уничтожено снова свободнымъ поступкомъ.—Но путь къ этому прегражденъ необычными трудностями. Извращеніе проникло такъ глубоко и такъ повреждена способность къ добруму, что обратиться къ лучшему, исходя изъ одной чловѣческой силы—совершенно невозможно; не можетъ къ этому привести и постепенное возвышеніе чловѣка, медленное накопленіе результатовъ. Наоборотъ, тутъ нужно полное и совершенное измѣненіе, перерожденіе жизни, которое можетъ быть только дѣйствіемъ превышающаго міръ могущества,—одного только Божества. Оно достигаетъ этого, по христіанскимъ вѣрованіямъ, тѣмъ, что изъ свободной любви и милосердія очищаетъ вину чловѣческую и изъ общенія съ Божествомъ создается новая жизнь.

Съ перваго взгляда жизнь эта кажется простою,—но на дѣлѣ содержитъ измѣненія и новообразованія чрезвычайно важнаго значенія.

Всякій рѣшительный поворотъ основанъ въ ней на свободномъ дѣйствіи; поэтому она получаетъ существенно этической характеръ и самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляется отъ всякаго чистаго процесса природы. Главная проблема этой жизни не отношеніе къ міру, но отношеніе къ самому себѣ, къ своему собственному идеалу. Человѣкъ становится прежде всего чисто внутреннимъ существомъ, раскрываетъ въ себѣ внутренній міръ, полный великихъ задачъ. Остальной міръ, составляющій дѣйствительность для чловѣка, понижается при этомъ до степени простыхъ окружающихъ обстоятельствъ. Все, что происходитъ во внутреннемъ мірѣ становится главнымъ, господствуетъ надъ всѣмъ прочимъ. Въ немъ именно долженъ совершаться поворотъ

жизни, о которомъ мы говорили; въ немъ возникаетъ впервые исторія души. Всюду такимъ образомъ жизнь и ея задачи уходятъ внутрь, становятся внутренними. Ни одна другая религія не даетъ ничего, хотя бы приблизительно подобнаго этому.

Но своеобразность христіанства больше всего проявляется въ томъ, какъ оно относится къ страданію. Христіанство выдвинуло страданіе на первый планъ жизни; страданіе сильнѣйшимъ образомъ занимало его мысли. Этимъ христіанство отличается особенно отъ античной мудрости, предписывавшей гордое бронированіе души, возможною недоступностью страданію. На чью сторону слѣдуетъ стать въ спорѣ объ этомъ—зависитъ не отъ субъективнаго вкуса, а отъ положенія въ которомъ находится человѣчество. Если въ существованіи человѣческомъ встрѣчается много чрезвычайныхъ трудностей, касающихся не только нашего отношенія ко внѣшнему міру, но захватывающихъ и самыя внутреннія глубины души; если въ человѣкѣ проявляется острый конфликтъ между духовными задачами его существа и дѣйствительнымъ его поведеніемъ,—нельзя упрекать за постановку этой проблемы. Это было бы также нелѣпо, какъ нелѣпъ упрекъ врачу, за то что онъ занимается не здоровымъ, а больнымъ. Между тѣмъ положеніе человѣчества именно таково. Это видно изъ опытовъ всемірной исторіи и повседневной жизни. Отрицать это можетъ лишь мелкое мышленіе, лежащее внѣ всякой научности и ниже ея предѣловъ. Поэтому если христіанство впервые оцѣнило страданіе въ его цѣломъ, и задалось цѣлью уничтожить его во всемъ объемѣ—въ этомъ дѣйствительно есть чрезвычайное величіе. Произошелъ поворотъ всемірно-исторической жизни. Дѣйствительно, эта религія посвятила вниманіе страданію не для того, чтобъ подчиниться ему, не для того чтобы со слабодушной мягкостью остаться при страданіи; наоборотъ она стремится возвыситься съ его помощью къ новымъ высотамъ и противопоставить ему міръ любви и вѣры. — Конечно христіанство формировалось во времена утомленія и слабости человѣчества и историческая форма его слишкомъ сосредоточилась на внутреннемъ укрѣпленіи человѣка на укрѣпленіи его души. Отношенія къ міру оно считало чѣмъ-то побочнымъ и безразличнымъ и слишкомъ мало превращало въ нихъ свои внутреннія пріобрѣтенія. Но это не измѣняетъ самого факта ни въ чемъ: главная черта христіанства утверженіе жизни,— конечно, жизни не столько естественной, сколько сверхприродной. Однако такое утверженіе всегда заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое отрицаніе, нѣкоторый разрывъ съ чистой природой. Въ немъ нѣтъ того дикаго, страстнаго желанія жизни, той „жажды“, которую по справедливости такъ низко цѣнили индусы.

Своеобразное соединеніе утвержденія и отрицанія, свойственное христіанской жизни, получаетъ опору въ фактическомъ со-

отношеніи того и другого въ кругѣ человѣческаго существованія. „Нѣтъ“ не является въ послѣднемъ просто промежуточною точкой, которую надо пройти, не есть просто лишь средство для того, чтобы привести жизнь къ ея глубинамъ. Оно продолжаетъ существовать и тогда, когда появилось „да“ и чувствуется во всей своей силѣ лишь по контрасту съ послѣднимъ. Вѣдь это „да“, это утверженіе, является сначала только внутри души, въ царствѣ вѣры и надежды, хотя и обладаетъ при этомъ полною реальностью; вѣдь сопротивленіе чуждаго и враждебнаго міра остается во всей силѣ. Такимъ образомъ, въ средѣ человѣческой жизни никогда не приходитъ къ полному и конечному завершенію. Она находится между двумя противоположными полюсами и потому въ постоянномъ непрерываемомъ движеніи. Въ ней соединяются величайшія различія въ переживаніяхъ,— высшія вершины блаженнаго совершенства и глубочайшія бездны страданія и грѣха; въ постоянныхъ переходахъ отъ одного къ другому она должна все сильнѣе и сильнѣе уходить въ свою глубину и творить свой собственный міръ. Ближайшее изображеніе этого міра оказывается часто не по силамъ нашимъ понятіямъ. Зато эта задача вполне по силамъ для искусства музыки. Палестрина, Бахъ говорятъ здѣсь намъ больше, чѣмъ могутъ сказать всѣ наши понятія.

Какія же измѣненія происходятъ въ человѣческой жизни подъ вліяніемъ христіанства? Полный свѣтъ проливается на этотъ вопросъ лишь при знакомствѣ съ ближайшими свойствами того утвержденія, которое эта религія противопоставляетъ беспорядочности міра. Всякое утверженіе въ религіи можетъ исходить лишь изъ раскрытія божественнаго: какъ происходитъ это раскрытіе и именно, какими обладаетъ свойствами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣляетъ положительное содержаніе религіи. Христіанство въ этомъ далеко ушло впередъ отъ всѣхъ прочихъ религій. По вѣрованіямъ послѣднихъ божество открывается человѣку только въ опредѣленныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ; при всемъ многообразіи отношеній между человѣкомъ и божествомъ остается—широкое разстояніе между ихъ сущностями. Христіанство, наоборотъ, защищаетъ полное единеніе сущностей. Божественное со всѣмъ богатствомъ своего величія входитъ въ природу человѣческую и благодаря этому послѣдняя внутреннѣйшею основою своей возвышается въ божественное. Божественная жизнь дѣлается благодаря этому непосредственно собственной жизнью человѣка. Онъ становится причастнымъ совершенству, вѣчности, безконечности божественной жизни и прочно и устойчиво возвышается надъ всѣми границами, полагаемыми міромъ, надъ заблужденіемъ міра, надъ страданіемъ, бѣдствіями, грѣхомъ. Только такая общность существа его съ божественнымъ придаетъ христіанской истинѣ полную достовѣрность. Если же остается нѣкоторое разстояніе между

человѣческимъ и божественнымъ — это ведетъ къ неувѣренности и къ сомнѣнію. Впрочемъ, эта основная истина христіанства облѣчилась въ догматическую формулу, въ ученіе о богочеловѣчествѣ Христа и въ этомъ видѣ съ самаго начала вызвала самыя разнообразныя недоумѣнія и споры. Да и въ настоящее время многіе честные приверженцы христіанства совершенно не могутъ примириться съ такимъ ея выраженіемъ. Тутъ больше чѣмъ гдѣ нибудь слѣдуетъ настаивать на обоснованномъ нами выше требованіи, — больше чѣмъ гдѣ-либо не должно основное и главное въ религіи неподвижно прикрѣплять къ одному отдѣльному пункту. Такой пунктъ только вершина движенія, охватывающаго все человѣчество, и движеніе это состоитъ въ длительной работѣ, во вновь и вновь проявляющемся творчествѣ, въ неизсякаемомъ потоцѣ жизни. Чудесность, преобразующее дѣйствіе, свойственное вхожденію божественнаго въ человѣческое, — эти условія творенія и поддержанія міра абсолютной истины среди всѣхъ ограниченій и заблужденій человѣческаго бытія — ничуть не терпятъ ущерба отъ такого воззрѣнія, а наоборотъ, скорѣе укрѣпляются. Какъ бы то ни было, лишь при такомъ расширенномъ пониманіи соединеніе божескаго и человѣческаго можетъ достигнуть полноты своего дѣйствія и сопровождать человѣчество во всей его всемірно-исторической борьбѣ.

Только вхожденіе божескаго въ человѣческое, со свойственнымъ ему кореннымъ измѣненіемъ первоначальнаго состоянія человѣка, придаетъ великимъ сторонамъ христіанской жизни полную силу и глубину. Только благодаря ему можетъ найти равномѣрное признаніе и любовь, и кротость, присущая христіанской жизни съ одной стороны, и строгая серьезность и истинность съ другой. Христіанская любовь не то, что понимается подъ этими словами въ новѣйшее время, вездѣ, до излюбленныхъ романовъ включительно. Она тамъ опошляется самымъ плачевнымъ образомъ. Христіанская любовь есть нѣчто значительно большее. Это не мягкосердечная снисходительность ко всякому человѣческому заблужденію и слабости, не извиненіе всего, что происходитъ на свѣтѣ; она не требуетъ, чтобы мы на все, что намъ говорятъ, отвѣчали: „Такъ“ и „Аминь“. Она требуетъ новаго міра, новой жизни, которую можетъ дать намъ лишь божественная сила и благодаря этому требованію пріобрѣтаетъ необычайную, строгую серьезность. Дѣйствія человѣка не касаются одного только его, какъ такового, они представляютъ интересъ не исключительно для его собственнаго счастья. Они захватываютъ и порядокъ всего цѣлаго, поэтому несутъ съ собою тяжелую отвѣтственность. Тутъ вопросъ не о томъ или иномъ благѣ. Борьба идетъ за духовное бытіе вообще, достиженіе независимой самобытной и вмѣстѣ съ тѣмъ истинной жизни и въ этомъ отдѣльномъ пунктѣ. Вокругъ

тѣхъ же полюсовъ любви и истины движется и исторія христіанства. То одинъ изъ нихъ выступаетъ отчетливѣе, то другой, полное же соединеніе является высокимъ идеаломъ для всѣхъ временъ. Метафизическое оказывается этическимъ и этическое метафизическимъ, — въ этомъ особое свойственное христіанству величіе и своеобразіе; но это же обусловливаетъ и нѣкоторое постоянное треніе внутри самой религіи. Пренія времена часто односторонне обращали христіанство въ метафизику; намъ, людямъ новаго времени, надо остерегаться, чтобы не впасть въ чистую этику.

Христіанство принимаетъ въ себя движенія и опыты жизни въ самомъ широкомъ объемѣ — и въ этомъ именно его превосходящее прочія религіи величіе, эта черта сказывалась въ теченіе всего его развитія. Особенно важно, что христіанство не остается при рѣзкихъ противоположностяхъ своего содержанія, а старается подняться надъ ними, пытается ихъ преодолѣть. Но это происходитъ не путемъ мудрыхъ разсужденій, не путемъ предусмотрительнаго взвѣшиванія, а благодаря явленію нѣкоторой возвышенной надъ противоположностями дѣйствительности. Получаетъ начало новый міръ, обоснованный на божественной любви. Оттого онъ даетъ прочное убѣжище отъ всякихъ конфликтовъ и дѣлаетъ возможнымъ глубокое измѣненіе человѣческаго существованія.

Такое совмѣщеніе необъятнаго движенія и надежнаго покоя, участіе во всей борьбѣ міра и возвышеніе надъ всею борьбой міра, даютъ христіанской жизни рѣзко-отличительныя особенности и внутреннюю самостоятельность. Совершенно очевидно, что здѣсь не только извѣстныя дѣятельности получаютъ для себя бо- бѣе широкія рамы жизни, не только прибавлено нѣсколько страницъ къ прежнему состоянію бытія, но и возникаетъ самостоятельная связь жизни и независимое ея содержаніе, — появляется особая характерная дѣйствительность. Только она впервые даетъ возможность достигнуть чистаго самососредоточенія духа, достигнуть внутренняго міра, возвышающагося надъ всякой субъективностью чистаго индивидуума.

Внутренній міръ этотъ не остается, однако, отдѣльнымъ царствомъ, существующимъ наряду съ прочимъ бытіемъ. Онъ является ядромъ и господствующей силой среди совокупной дѣйствительности. Древніе христіане какъ ни стѣснено, ни пригнетено было ихъ внѣшнее положеніе, смѣло и радостно называли себя душою міра. — И черезъ все христіанство проходитъ такое же стремленіе дать міру и жизни душу, которой безъ этого имъ не достаетъ. Но исполнить это можно лишь построивъ новое царство, основаніе котораго было бы въ чисто внутреннемъ мірѣ человѣка и могучее дѣйствіе простиралось и на видимый міръ, царство, которое начало бы войну съ неразумностью видимаго міра на его собственной территоріи. Такимъ образомъ формируется церковь

въ совсѣмъ особомъ смыслѣ слова, недоступномъ прочимъ религіямъ. Соприкосновеніе внутренняго съ міромъ иного порядка, съ видимымъ міромъ необходимо приводитъ къ тому, что и этотъ чуждый міръ начинаетъ вліять на насъ своей природой. Изъ понижающаго дѣйствія его и возникаетъ безконечная запутанность и беспорядокъ духовныхъ проявленій. Поэтому исторія христіанства не есть чистое и спокойное раскрытіе христіанской жизни,— скорѣе что угодно, только не это. Въ нее проникло несказанно много ничтожно-человѣческаго, съ свойственными послѣднему стремленіями къ власти, выгодѣ, наслажденію и т. д.—и чрезвычайно затемнило ея образъ. Все вновь и вновь надо было христіанству вести не только внѣшнюю, но и внутреннюю борьбу, бороться за чистоту своей истины, за высоту своей сущности. Но тотъ, кто обращаетъ вниманіе на цѣлое, на внутреннее—убѣдится, что несмотря на всѣ искаженія и затемнѣнія положительное все же преобладало. Всѣ искаженія формъ этой религіи въ человѣчествѣ перевѣшиваются фактомъ движенія къ новому міру. Дѣйствительно, въ мірѣ чистаго сосуществованія, въ мірѣ внѣшняго, было возвѣщено царство чисто внутренняго; среди неустаннаго потока времени—вѣчная истина; среди жестокости и равнодушія міроваго теченія—царство любви. И все это было не только возвѣщено; предпринято было и осуществленіе возвѣщеннаго. Такое предпріятіе—самое геройское предпріятіе, какое можетъ вообще возникнуть при нашемъ состояніи міра. Оно сталкивается не только съ человѣческими отношеніями, но самымъ жестокимъ образомъ вступаетъ въ конфликтъ съ наличнымъ положеніемъ міра, причемъ не можетъ побѣдить, не преобразивъ окончательно все цѣлое. Это кажется невозможнымъ; на это можно было отважиться лишь при сознаніи, что такимъ образомъ мы служимъ настоятельной необходимости духовнаго самосохраненія человѣчества. Да и тутъ необходимо было твердое убѣжденіе, что насъ поддерживаетъ превосходящая міръ сила. Кто признаетъ это, для того всѣ недостатки и всѣ погрѣшности въ человѣческой исторически создавшейся формѣ христіанской жизни не могутъ поколебать основнаго ея факта и не могутъ ослабить ея значенія.

Итакъ сущность религіи—въ той жизни, которую она открываетъ человѣчеству. Но не надо думать, что кто призналъ это положеніе, тотъ долженъ оставаться равнодушнымъ къ мыслямъ, содержащимся въ данной религіи и къ ея ученіемъ. Наоборотъ, онъ будетъ считать опасною ошибкою мнѣніе, будто при коренномъ поворотѣ къ духовной жизни—мысли и ученія религіи теряютъ всякое значеніе; дѣло-де не въ понятіяхъ, а именно въ жизни. При такомъ возрѣніи субъективная жизнь, простое для-себя-бытіе субъекта, смѣшивается съ духовною жизнью. Субъективная жизнь можетъ удовольствоваться неопредѣленной эмоціоанальной

жизнью, которая мирится съ самыми различными мірами мысли; но духовная жизнь требуетъ извѣстнаго содержанія, требуетъ истины этого содержанія. Ей необходимо нужны для этого твердые вѣрованія и руководящія идеи. Но вѣрованія эти она не будетъ строить вопреки процессу духовной жизни, а развивать изъ него самого. Поэтому основное значеніе для религіи получаютъ лишь тѣ ученія, въ которыхъ непосредственно выражается характеръ духовной жизни, свойственной этой религіи. Они постоянно будутъ провѣряться въ этомъ отношеніи, постоянно будетъ возникать вопросъ, даютъ-ли они все необходимое для того, чтобы эта жизнь вполне раскрылась, и нѣтъ-ли въ нихъ чего нибудь не необходимаго, такого, что можно отбросить. Все лишнее здѣсь вредно, потому что затемняетъ и ослабляетъ существенное.—Духовная жизнь нашего времени потерпѣла глубокія измѣненія и необходимъ основательный пересмотръ и провѣрка ученій христіанства съ только что указанной точки зрѣнія. Объ этомъ уже шла рѣчь выше. Но даже самое сильное сознаніе недостаточности того міра мыслей, который пришелъ къ намъ изъ прошлаго, не должно вводить заблужденіе относительно необходимости другого, преобразованнаго міра мыслей. Отрѣшеніе отъ интеллектуализма не должно никогда переходить въ посягательство на права и значеніе интеллектуальной работы.

Міръ мысли необходимъ религіи; преобразование же его является дѣломъ всемірно-исторической работы. Поскольку отдѣльныя эпохи развиваютъ свой особый духовный характеръ, они должны придавать основной истинѣ свою особую форму. Онѣ должны имѣть полную свободу для этого. Въ томъ, что является человѣческой и исторической стороной духовной жизни ни одно время никогда не должно быть рабомъ другихъ. Поэтому, послѣ глубокихъ измѣненій, происшедшихъ въ послѣднемъ столѣтіи, мы жаждемъ основательнаго обновленія христіанскаго міра мыслей. Но мы не предоставляемъ этого обновленія шаткимъ размышленіямъ любого индивидуума, а жаждемъ обновленія, которое исходило бы изъ всего цѣлаго, изъ всей совокупности христіанской жизни. Мѣриломъ и руководствомъ при всѣхъ такихъ стремленіяхъ должна быть духовная дѣйствительность, проявляющаяся въ немъ,—иначе христіанство понизится до степени чего то, лишенаго всякихъ характерныхъ чертъ. Чѣмъ больше мы требуемъ для формированія ученій его полнѣйшей свободы, тѣмъ горячѣе настаиваемъ, чтобы при этомъ отнюдь не ослаблялись характерныя свойства даннаго типа жизни и не исчезало все фактически въ немъ данное; тѣмъ рѣшительнѣе мы противимся широко нынче распространеннымъ шаткимъ и расплывчатымъ возрѣніямъ, которыя отнимаютъ у христіанства всякую отрицающую и отталкивающую силу и этимъ понижаютъ самое „да“ его до полнѣйшаго

бесилия. Христианский типъ жизни съ избыткомъ содержитъ въ себѣ отрицанія, отъ которыхъ настоящее ни въ какомъ случаѣ еще не избавилось. Оно абсолютнымъ образомъ выдвигаетъ впередъ духовную жизнь, а потому содержитъ въ себѣ сильнѣйшее отрицаніе всякаго грубаго и тонкаго натурализма и утверженіе свободы въ противность всякому обращенію духовной жизни въ простой процессъ природы. Этому типу жизни присуще убѣжденіе въ громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ теперешнее положеніе міра отъ непремѣнныхъ требованій духовной жизни—и даже не о разстояніи, а о полной противоположности между тѣмъ и другимъ;— жизнь такого типа самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ пантеизмъ со свойственнымъ послѣдному возвеличеніемъ міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ направленія мысли, отвергающія необходимость внутренняго измѣненія человѣка, какъ-то, интеллектуализмъ, эстезизмъ и т. д. Возвѣщая, наконецъ, измѣненіе всего міра при помощи духовной силы и искупающей любви, она самымъ основательнымъ образомъ искореняетъ всякій горькій пессимизмъ и всякій унылый скептицизмъ. Все это объединяется въ утвержденіи и отрицаніи и вся жизнь и вся духовная работа направляется такимъ образомъ на надежный путь и получаетъ отчетливо поставленныя цѣли. Нечего бояться, что обоснованіе нашихъ вѣрованій на содержаніи духовной жизни приведетъ къ шаткой неопредѣленности или оставитъ слишкомъ мало дѣла.

Теперь надо показать, что христианская жизнь проявляетъ и на почвѣ исторіи выдающуюся силу и величіе и такимъ образомъ подтверждаетъ свою истинность. Въ интересахъ краткости, обусловленной недостаткомъ времени, мы ограничиваемся при этомъ лишь нѣкоторыми главными моментами. Разсмотримъ ближе личность ея основателя, возведеніе христианствомъ религиозной проблемы въ область общечеловѣческаго, въ противоположность какому бы то ни было прикрѣпленію къ особенностямъ отдѣльнаго народа и, наконецъ, существенное и притомъ самое разнообразное содѣйствіе человѣчеству всѣхъ эпохъ, въ теченіе которыхъ христианство проявляло свое дѣйствіе.

Мы видѣли, что историческая критика разрушила увѣренность во многихъ важныхъ частностяхъ той картины жизни Иисуса, которая передана намъ преданіемъ. Мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что имѣющіяся о ней свѣдѣнія передаютъ намъ не столько самые факты, сколько отраженіе ихъ въ представленіяхъ и вѣрованіяхъ послѣдующихъ поколѣній. Какъ мы знаемъ теперь, многое, что казалось прежде принадлежащимъ самому Учителю, приписано Ему лишь впоследствии благоговѣніемъ учениковъ

и обусловлено судьбою Его постигнуто. Но сколько бы видоизмѣняющей работы мы ни видѣли, во всемъ этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду внутреннихъ предѣловъ, ограничивающихъ область этой работы. Она можетъ исключать черты, сглаживать неровности, переставлять, вводитъ собствѣнные мнѣнія и надежды; но создать своими силами что нибудь великое и притомъ новое она не можетъ, духовнымъ творчествомъ она не обладаетъ. Для насъ стало очень сомнительнымъ, какъ именно понималъ Иисусъ свое отношеніе къ иудейству и къ закону, какъ Онъ самъ думалъ о своей задачѣ и о своемъ положеніи, какимъ представлялось Ему будущее Его самого и Его работы. Впечатлѣніе печальнаго исхода могло быть перенесено повѣствованіемъ слишкомъ далеко, на начало дѣятельности Иисуса и соотвѣтственно окрасить общее настроеніе разсказа. Но вѣдь извѣстія не исчерпываются этими вопросами; да къ тому же послѣдніе не представляются чѣмъ то существеннымъ и главнымъ для христианской духовной жизни. Вѣдь извѣстія эти раскрываютъ предъ нами въ высшей степени своеобразную духовность, несравнимый ни съ чѣмъ типъ душевной и духовной жизни. Мы видимъ, что тутъ дѣло не въ томъ, что возвѣщаются нѣкоторыя новыя ученія, не въ томъ, что звучатъ мягкіе тоны чувства. Нѣтъ, здѣсь выступаетъ навстрѣчу намъ новый видъ жизни и бытія, въ которомъ одна главная черта—единственное во всей исторіи отношеніе къ Богу—владеваетъ надъ всѣмъ многообразіемъ и придаетъ ему особую форму. Какъ могъ возникнуть подобный типъ? Черезъ простое слияніе мнѣній и настроеній въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ человѣчества? Въ видѣ осадка механически суммирующихся массовыхъ дѣйствій? Такъ можетъ думать лишь тотъ, кто видитъ въ великомъ только простое накопленіе малыхъ результатовъ, значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывается отъ внутренняго единства, присущаго великому, отъ несравненнаго своеобразія, отъ характерной сущности его. Слѣдовательно, надо признать, что какое то независимое возникшее, самобытно великое въ данномъ случаѣ все-таки существовало, что творчество здѣсь происходило безъ повторныхъ наслоеній и результатъ его вылился сразу въ цѣльную форму. То великое, которое до сихъ поръ считалось таковымъ, теперь оспаривается. Значитъ, по близости отъ него существовала какая то другая, неизвѣстная величина, какая то скрытая отъ насъ звѣзда, изливавшая на него лучи своего свѣта. Но какъ такая величина могла остаться скрытой отъ насъ? И не была ли бы еще болѣе загадкой, чѣмъ та, рѣшенію которой она должна послужить?

Но сомнѣніе выливается еще въ другую форму. Не такъ оспариваютъ достовѣрность извѣстій, какъ то, что въ нихъ идетъ дѣло о чемъ то получившемъ начало именно въ тѣ времена, о

полномъ и совершенномъ измѣненіи стараго. Утверждаютъ, что врядь ли міръ мыслей Иисуса представлялъ изъ себя нѣчто совершенно новое, изумительное, поражающее. Историческое изслѣдованіе открываетъ все больше и больше согласія и сходства между Нимъ и современными или непосредственно предшествовавшими греческими и еврейскими мыслителями. Содержание Его міра мысли можетъ казаться новымъ и изумительнымъ лишь тогда, когда неправильно сопоставляютъ Его не съ современными Ему явленіями а съ болѣе древними явленіями эллинской или іудейской культуры.

Въ такихъ соображеніяхъ есть доля правды. Другой вопросъ, рѣшается ли въ нихъ главная проблема, на которую мы указывали. Исходя изъ нихъ придется допустить, что все, почитаемое нами великимъ есть лишь сочетание уже имѣвшихъ ранѣе элементовъ. Но какъ тогда это—или все ровно, какое угодно другое сочетание—могло обладать такою необычайною силой и вызвать тѣ дѣйствія, которыя безспорно были имъ вызваны? Какъ оно могло стать исходнымъ пунктомъ движенія, сдвинувшаго съ мѣста ось міра и направившаго его на новые пути?

Проблема, которую мы затронули этимъ вопросомъ—только наиболѣе замѣтная части другой, болѣе общей проблемы. Въ какомъ отношеніи къ своей средѣ стоятъ вообще великія дѣянія въ области духовного, или скорѣе не дѣянія, а великія творенія, вырастающія на этой почвѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ несравненно меньше зависитъ отъ точности наблюдений, чѣмъ отъ принципиальнаго взгляда на духовную жизнь. Кто не признаетъ за нею никакой самостоятельности и ставитъ ее въ ряды другихъ процессовъ природы—тотъ не увидитъ въ великихъ дѣяніяхъ ничего особеннаго. Для него это будутъ тѣ же среднія, обыденныя явленія, только въ нѣсколько увеличенномъ масштабѣ. Мы уже видѣли, что пожертвовать независимостью духовной жизни—значитъ отказаться отъ всякой истины, стоящей выше простаго человѣческаго мнѣнія. А кто призналъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ изощреннымъ зрѣніемъ по отношенію къ особенностямъ великаго—тотъ никогда не усомнится въ громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ послѣднее отъ средняго уровня его среды. Вѣдь великое требуетъ полнаго переворота въ обычномъ состояніи человѣка. То, что являлось въ послѣднемъ простою прибавкою къ другимъ процессамъ становится абсолютной самоцѣлью. То, что пребывало въ жалкомъ смѣшеніи съ инымъ и чуждымъ—начинаетъ ярко и отчетливо выражать свою природу; что дѣйствовало прежде лишь въ самомъ мѣстѣ явленія и въ самый моментъ его, можетъ двинуться въ безпредѣльное и сформироваться въ безконечное, можетъ стать какъ бы центромъ, измѣнить міръ мысли и поднять жизнь на новую высоту. При-

ходить холодный наблюдатель, съ муравьинымъ прилежаніемъ копаются въ фактахъ и открываетъ, что отдѣльныя мысли великаго часто, или даже по большей части, — созвучны или вполне совпадаютъ съ мыслями его предшественниковъ. Это вѣрно; но измѣняется ли отъ этого въ чемъ нибудь главная суть дѣла? Кажется, будто великое приблизилось къ обычному. Но не наоборотъ ли, не обнаруживается ли именно въ такихъ случаяхъ въ полномъ свѣтѣ, насколько велико возвышенное превосходство великаго,—не раскрывается ли именно здѣсь, свойственный ему синтезъ, несравнимый характеръ придаваемый всему цѣлому, а потому сообщающій величіе и отдѣльнымъ частямъ послѣдняго? Не раскрывается ли присущая ему движущая сила, переводящая все окружающее изъ лѣниваго покоя въ движеніе? Сколько кантовскихъ мыслей существовало уже въ эпоху просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ, но какъ при всей своей внѣшней близости онѣ далеки отъ Канта внутренно! И какъ различно дѣйствуетъ отдѣльная мысль, когда проходитъ наряду съ другими и когда становится господствующей и движущей силой цѣлаго!—Мысль, что самоочевидность нашего „я“ есть исходный пунктъ всякой очевидности была высказана еще Августиномъ, за 1200 лѣтъ до Декарта. Но у Августина она представляетъ замѣчательное отдѣльное явленіе, у Декарта же приводитъ къ преобразенію всей философіи и даже всего образа мыслей и культурной жизни. Такъ велико различіе мыслей, зависящее отъ количества вложенной въ нихъ духовной силы.

Но что имѣетъ силу для всей области духовнаго творчества, то приобретаетъ особенное и преимущественное значеніе для религіи. Безусловно необходимо понимать религію въ настоящемъ и строгомъ смыслѣ этого слова. А гдѣ она существуетъ въ такомъ видѣ, тамъ она дальше чѣмъ что бы то ни было отстоитъ отъ средней жизни, находится даже въ рѣзкой противоположности къ ней. Дѣйствительно, невидимый міръ далекъ отъ обыденной жизни, съ трудомъ раскрывается для нея; а стать истинною дѣйствительностью для человѣка онъ можетъ лишь тогда, когда станетъ чѣмъ то самымъ близкимъ, непосредственно переживаемымъ. Для средней жизни этотъ міръ только простое средство къ достиженію человѣческихъ цѣлей, къ приобретенію счастья, господства надъ другими и т. п.; а между тѣмъ, если онъ не овладѣетъ человѣкомъ для благъ, имѣющихъ совершенно иную цѣнность, для благъ, которыя могутъ прямо вредить человѣческому существованію—онъ одна иллюзія, одна тѣнь. И вотъ, въ человѣкѣ совершилось превращеніе. Невидимый міръ сталъ для него достовѣрнымъ, убѣдительнымъ, вынуждаетъ его вѣрить въ свое существованіе. Невидимый міръ сталъ всепобѣждающе близкимъ и простымъ; человѣкъ находитъ въ немъ самую основную свою сущность, по-

лучаетъ силу жить и умереть для него. Развѣ этотъ переворотъ не громаденъ и не чудесенъ?—Онъ совершался всегда только въ отдѣльныхъ личностяхъ. Что для прочихъ оставалось блѣднымъ продуктомъ страстнаго желанія и рефлексіи,—для такого чело- вѣка становилось самою достовѣрной дѣйствительностью. Поэто- му лишь такіе люди и могли уготовлять новые пути для цѣлаго. Несомнѣнно, такъ именно дѣйствовалъ и Иисусъ для христіанства. Онъ сдѣлалъ для него невозможное не только возможнымъ, но и дѣйствительнымъ, и необходимымъ. Мы не будемъ здѣсь по- дробно разбирать, на чемъ, по нашему убѣжденію, основывалось это дѣйствіе. Такой разборъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Укажемъ лишь, что говорится объ этомъ въ нашей другой кни- гѣ:—„Lebensanschauungen der grossen Denker“. Жизнь и бытіе Иисуса занимаютъ насъ теперь не сами по себѣ, а лишь какъ убѣдительное доказательство силы и истинности христіанской жизни. Изъ нихъ мы можемъ понять, какъ именно эта послѣд- няя можетъ развивать личности въ высшемъ смыслѣ слова,—лич- ности твердо обоснованныя въ самихъ себѣ, стоящія выше міра, но надежно защищенныя отъ гордаго самовозвышенія, ибо они сознаютъ, что ихъ поддерживаетъ и движетъ живое присутствіе внутренняго міра.

Далѣе, христіанство проявляетъ на почвѣ исторіи еще одну выдающуюся способность, превосходящую все, чѣмъ обладаютъ въ этомъ родѣ другія религіи: оно освобождаетъ религіозную про- блему отъ связи съ особымъ, отдѣльнымъ народомъ. Но это дѣ- лается здѣсь не въ пользу какого то абстрактнаго челоуѣчества въ духѣ вѣка просвѣщенія, а въ пользу универсально-духовной разработки проблемы. Все особенное, свойственное отдѣльнымъ народамъ идетъ цѣликомъ на служеніе высшимъ цѣлямъ; все многообразіе объединяется въ единое цѣлое съ одной высшей точки зрѣнія и различія его сглаживаются. Поэтому христіанство больше чѣмъ какая нибудь другая религія является дѣломъ не одной только части челоуѣчества, а дѣломъ и произведеніемъ всего челоуѣчества. Другія религіи, имѣющія въ виду не одинъ отдѣльный народъ, а все цѣлое челоуѣчества, гораздо больше чѣмъ христіанство связаны съ особенностями народа, среди кото- раго возникли; онъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не отре- каются отъ характерныхъ свойствъ этого народа. Трудно забыть, что буддизмъ—религія возникшая въ Индіи, или что магометан- ство—арабскаго происхожденія. Христіанство же, наоборотъ, изъ своего іудейскаго отечества скоро перенесло главный стебель на греческую, а потомъ и на римскую почву. Поэтому съ самага начала развитія оно восприняло въ себя черты и семитскія и индогерманскія,—черты выражающія главныя направленія чело- вѣческой жизни. Семитизму свойственна энергическая концен-

трація на одномъ главномъ направленіи жизни. На высотѣ раз- витія семитизма такимъ пунктомъ являлась задача нравственности со всей строгостью ея законодательства. Получивъ религіозную окраску она возвысилась надъ всѣми прочими задачами и смогла оттѣснить ихъ до степени полного безразличія. У индогерманцевъ, представителями которыхъ по отношенію къ христіанству явля- лись сначала по преимуществу греки—господствуетъ значительно болѣе сильное стремленіе къ широтѣ и къ большому охвату жизни. Благодаря работѣ объективной мысли, среди нихъ воздвиглось зданіе культурнаго міра и произошло соотвѣтственное преобра- зованіе челоуѣческаго существа.—Въ области христіанства оба направленія встрѣтились, между ними возникли сильныя тренія, образовалась многократная усложненность, явилась запутан- ность. Часто эти различныя теченія перекрещивались и подав- ляли другъ друга. Но взаимодействіе ихъ обоихъ внесло въ хри- стіанскую жизнь сильное движеніе, она приняла въ себя ихъ про- тивоположности, которыя, казалось стремились отдалиться другъ отъ друга—и въ концѣ концовъ должны были необходимо стре- миться сблизиться. Благодаря этому христіанская жизнь полу- чила такую широту и подвижность, какихъ не знаетъ никакая другая религія. Отсюда видно, какъ неосновательно мнѣніе, будто христіанство, привлекиши и принявъ въ себя греческій духъ—гре- ческую науку и искусство—этимъ самымъ отсеклось само отъ себя. Скорѣе внушаетъ сомнѣнія тотъ фактъ, что оно принимало ихъ въ себя неоднократно, не провѣривъ достаточно на пробномъ камнѣ основнаго характера своей жизни и не сгладивъ ихъ, какъ слѣдуетъ; подозрительно то, что оно не сумѣло вполне пе- ревести чужое на свой собственный языкъ. Но никогда нельзя поставить въ упрекъ христіанству, что оно приняло въ себя про- блемы міра и культуры. Намъ не должно ставить себѣ задачей выдѣленіе всего этого изъ христіанства, на томъ основаніи, что это будто продуктъ его вырожденія; не должно стремиться вер- нуть эту религію вновь къ ея начаткамъ, которыхъ, при томъ нельзя теперь и возстановить, и неизвѣстно каковы они были въ дѣйствительности. Дѣлая такую попытку легко уничтожить мировой характеръ этой религіи и сдѣлать ее чѣмъ то вродѣ секты, простымъ утѣшеніемъ и поддержкой индивидовъ.

Какъ глубоко проникаетъ указанная противоположность между двумя расовыми направленіями, какъ значительныя задачи возни- кающія изъ ихъ встрѣчи, можно особенно отчетливо прослѣдить въ самомъ понятіи божества. Семиты считали божественное чѣмъ то по преимуществу противоположнымъ міру, чѣмъ то возвышен- нымъ, навсегда отдаленнымъ, внушающимъ благоговѣйное почи- таніе. Всякая задушевная близость къ нему исключалась. Даже съ самымъ божественнымъ именемъ необходимо было обращаться

въ высшей степени осторожно. Непосредственное соприкосновение божескаго и человѣческаго чрезвычайно далеко отъ этого воззрѣнія. Такимъ образомъ въ немъ имѣетъ рѣшительный перевѣсъ трансцендентное пониманіе религіи.—Индогерманскіе народы, наоборотъ, ставятъ божественное въ самую тѣсную связь съ міромъ. Оно по воззрѣнію ихъ, присуще міру и не отрѣшимо отъ него. Одинъ міръ охватываетъ и божеское и внѣбожеское. Поэтому религія могла тутъ поставить себѣ преимущественной задачей объединеніе человѣческаго и божескаго въ интимномъ общеніи. И индійскія и греческія представленія безъ всякаго затрудненія допускаютъ, что божественное можетъ входить въ человѣческую форму и обращаться въ кругу человѣческой жизни. Болѣе высокую ступень этого стремленія къ единенію образуетъ мистика, родина которой именно на индо-германской почвѣ. Такимъ образомъ въ религіи тутъ господствуетъ стремленіе къ имманентности.—Христіанство приняло въ себя обѣ эти тенденціи: движеніе и къ трансцендентному, и къ имманентному. Оно высоко подняло божественное надъ міромъ и смѣло противилось всякому смѣшенію природы его съ человѣческой природой; такое смѣшеніе казалось ему приниженіемъ божественнаго. Это ясно можно видѣть во внутренней борьбѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Но въ то же время христіанство ввело это возвышающееся надъ міромъ божественное,—со всею полнотой его сущности—въ міръ и сдѣлало собственной сущностью человѣка—по любви и благодати. Конечно и здѣсь этому двойному движенію пришлось столкнуться съ великими опасностями. Часто то, что заимствуетъ истинность и силу лишь изъ коренной, независимой духовной жизни отвердѣвало въ догматическія формулы. Но благодаря тому, что сохранялась выше указанная противоположность, благодаря тому, что божественное и неизмѣримо превосходящее человѣка, становилось въ то же время самымъ близкимъ и своимъ—возникло неисчерпаемое движеніе. Вся жизнь обратилась въ движущійся потокъ и приобрѣла новое основаніе.

Дальнѣйшая проблема народилась въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда сталъ самостоятельнымъ германскій элементъ. Вначалѣ христіанство имѣло дѣло съ зрѣлыми, даже старѣющими культурными народами: теперь заявилъ свои права юношески свѣжій, готовый проявить свои особенности народъ. И онъ много при этомъ могъ внести своего: большую глубину и мягкость чувства, большую вѣрность и задушевность въ отношеніяхъ души человѣческой къ Богу, большее стремленіе къ свободному развитію индивидуальности, великую серьезность личнаго убѣжденія. Какъ только все это соединилось вмѣстѣ и потребовало самостоятельности, въ видѣ чего то цѣлаго—неизбѣжны стали тяжскіе конфликты со старымъ, дѣятельность котораго исходила изъ

прежней организаціи церковной общины и стараго міра мысли. Конфликты эти въ концѣ концовъ на необозримое время разрушили внѣшнее единство церкви и до сихъ поръ еще разжигаютъ сердца къ ожесточенной борьбѣ. Но христіанство въ цѣломъ остается и существуетъ несмотря на всѣ разногласія и расколы, и то, что для части его должно казаться потерей, служитъ лишь къ большому величію этого цѣлаго. Христіанство смогло привлечь къ себѣ различныя стремленія племенъ и народовъ и соединить ихъ въ одной общей задачѣ. Развѣ это не показываетъ, что оно является религіей совокупнаго человѣчества по преимуществу? Въ немъ получаетъ свою цѣнность духовная работа каждаго народа,—но для этого должна предварительно подвергнуться очищенію и измѣненію. Такимъ образомъ существенно повышается цѣлое и свобода одерживаетъ побѣду надъ чистою природой.

Кто видитъ въ такомъ возвышеніи христіанства находъ чисто народную религію особенное величіе его, тому придется рѣшительно отвергнуть всѣ современныя попытки показать противоположное—попытки поставить религію Христа въ тѣсную связь съ той или иной расою и видѣть въ ней наивысшее выраженіе свойствъ послѣдней. По ходу нашего изслѣдованія такой взглядъ не только понижаетъ христіанство отъ всеобщаго къ частному, но и содержитъ въ себѣ чрезмѣрно высшую оцѣнку естественныхъ силъ и задатковъ человѣчества. Конечно духовная работа считаетъ и эти задатки и силы цѣнными для религіи,—но подъ условіемъ, чтобъ они перенесены были на почву свободы, подъ условіемъ внутренняго ихъ возвышенія. Будемъ радоваться, что христіанство разсматриваетъ религію, какъ общее дѣло человѣчества. Не слѣдуетъ стремиться уничтожать эту высоту пониманія; она достигнута съ достаточнымъ трудомъ и за нее и такъ приходится бороться все снова и снова.

И такъ христіанство универсально, вопреки всякимъ племеннымъ и народнымъ различіямъ. Но съ этимъ соединяетъ оно и временную универсальность: отношенія и дѣйствія его универсальны вопреки различію всѣхъ отдѣльныхъ эпохъ. Оно давало каждому времени что нибудь особое, своеобразное. Оно даже подымало свой вѣкъ ко главному пункту его стремленій. И что приобрѣталось этимъ путемъ, не исчерпывалось мимо преходящимъ историческимъ положеніемъ вещей, а дѣйствовало за предѣлами эпохи, какъ постоянная задача, какъ постоянное побужденіе. Такимъ образомъ исторія въ этомъ случаѣ не простая смѣна различныхъ фазъ, изъ которыхъ одна вытѣсняетъ другую; въ ней совершается начало истинъ и движеній, сохраняющихся далѣе рядомъ другъ съ другомъ, и эти движенія и истины всѣ вмѣ

сть образуютъ нѣкоторое возвышающееся надъ временемъ настоящее. Исторія здѣсь нѣчто большее, чѣмъ простое минувшее.

Христіанство первыхъ вѣковъ дало разлагавшемуся чело-
вѣчеству твердую опору и внутреннюю связь. Оно пробудило
ставшее безсильнымъ и усталое племя человѣческое къ свѣжей
и бодрой жизни, открыло передъ нимъ новыя задачи, наполнило
его новыми надеждами и даже горделивымъ самолюбіемъ.
Въ великомъ потопѣ время религія эта стала спаситель-
нымъ ковчегомъ и крестъ явился для уstraшеннаго чело-
вѣчества такимъ же символомъ примиренія съ небомъ, какимъ была въ
древнемъ повѣствованіи радуга. Задачей среднихъ вѣковъ было
возраженіе новыхъ народовъ и новаго чело-
вѣчества. Жизнь часто
принимала характеръ строгаго и суроваго воспитанія. Мысль о
неприкосновенномъ порядкѣ жизни потопила всѣ остальные цѣли.
И міръ мысли получилъ здѣсь прочную организацію, и всѣ обла-
сти жизни слились, подъ руководствомъ религіи, въ единое цѣ-
лое. Теперь для насъ этотъ порядокъ слишкомъ узокъ и слиш-
комъ неподвиженъ и непосредственное господство надъ всей
жизнью, на которое претендовала при немъ религія, принесло
больше всего вреда именно ей самой.—Наши взгляды стоятъ въ
противорѣчій со средне-вѣковымъ рѣшеніемъ задачи; но это не
должно закрывать отъ насъ истинную цѣнность его. Средне-вѣ-
ковое рѣшеніе не только соотвѣтствовало одному своему вре-
мени; оно заключало въ себѣ и проблему имѣющую постоянное
значеніе—проблему объединенія всѣхъ областей жизни и орга-
низации чело-
вѣчества. Все возрастающая разногласица духовной
жизни дѣлаетъ эту проблему чрезвычайно цѣнною для насъ, лю-
дей новѣйшаго времени. Замѣчательно, что именно ее выдвигали
на первый планъ руководящіе мыслители XIX вѣка, напр. Гегель
и Контъ.—Съ окончаніемъ среднихъ вѣковъ приобрѣло перевѣсъ
стремленіе къ полной самостоятельности внутренней жизни. Оно
перешло за предѣлы религіи и часто даже обращалось противъ
нея, но въ тоже время нашло себѣ удовлетвореніе и въ предѣ-
лахъ христіанства. Во время реформаціи имъ былъ вызванъ мо-
гучій притокъ силы въ христіанской жизни. Подъемъ силъ въ
самой реформаціи подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ и на
старую церковь и въ концѣ концовъ даже тѣ люди, которые по
внѣшности твердо держались стараго міра мыслей, все таки от-
дѣлились отъ него внутренно. Въ новое время христіанство стало
гораздо болѣе религіей личности, чѣмъ религіей церковнаго по-
рядка. Но при этомъ именно благодаря религіи сама идея лич-
ности получила такую глубину и такое освященіе, какихъ врядъ
ли могла бы достигнуть на какомъ нибудь иномъ пути.

Безспорно, главное направленіе новаго времени, вмѣстѣ съ
развитіемъ своей самостоятельности вступаетъ въ конфликтъ съ

христіанствомъ, и конфликтъ этотъ соотвѣтственно все болѣе и
болѣе обостряется. Чувство жизни сильнѣе въ этомъ теченіи,
существованіе чело-
вѣка больше обосновывается на собственной
его дѣятельности; однако одно это не могло бы привести къ
конфликту. Главное условіе, приведшее къ непримиримому раз-
рыву съ христіанствомъ другое: мнѣніе, будто духовная дѣятель-
ность чело-
вѣка и великій поворотъ жизни къ положительному,—
непосредственное дѣло самаго чело-
вѣка, что они производятся
его собственными природными силами. Христіанство наоборотъ
вѣритъ, что поворотъ этотъ совершается путемъ внутренняго
обновленія чело-
вѣка и исходитъ изъ отношенія его къ Богу. Оно
не столько утверждаетъ жизнь непосредственнымъ образомъ,
сколько путемъ нѣкотораго отрицанія и внутренняго измѣненія.—
Прямо примирить эту противоположность между христіанскимъ
и современнымъ взглядами невозможно, но и ослабить ее ка-
кимъ нибудь образомъ—тоже невозможно. Есть лишь одинъ вы-
ходъ: когда ее преодолѣть новое завершающее цѣлое жизни.
Но для это необходимо прежде признать проблему и отказаться
отъ всякаго стремленія къ прикрыванію или къ ослабленію ея.
Однако даже и среди самой борьбы своей, христіанство оказало
новому времени существенную пользу. Въ противоположность
бурному стремленію къ проявленію силъ, въ противоположность
тяготѣнію въ ширь, оно поддерживало тихую глубину жизни; въ
противовѣсъ преобладающей склонности отдаваться на произволь
неустаннаго потока времени—выдвигало требованіе истины, воз-
вышающейся надъ нимъ. Оптимизму и энтузіазму передъ куль-
турой, которые такъ близки этому теченію, противопоставля-
лись предѣлы чело-
вѣческаго бытія и усложненность его.
Этимъ всѣмъ христіанство сильно противодѣйствовало полному
погруженію жизни въ область чисто мірскаго и ничтожно чело-
вѣческаго, чисто временнаго. Нельзя объяснить простымъ при-
способленіемъ и потворствомъ существующему порядку тотъ
фактъ, что великіе мыслители новыхъ временъ, несмотря на
всю самостоятельность своихъ убѣжденій, стремились стать въ
положительное отношеніе къ христіанству; и при этомъ они ста-
рались найти соотношеніе съ нимъ въ самой глубокой сущности
міра своихъ мыслей. Такъ даже находясь къ оппозиціи нашему
вѣку христіанство оказало на него значительное вліяніе.

Какъ бы то ни было, но противоположность такъ глубоко
проникающая въ основу жизни и растягивающая жизнь въ про-
тивоположныя стороны существовать долго не можетъ. То что
въ чело-
вѣческомъ мірѣ могло быть сноснымъ и терпимымъ на
первыхъ порахъ, по самой природѣ вещей начинаетъ все больше
и больше отдѣляться и отходить отъ него. Чѣмъ сильнѣе этотъ
фактъ будетъ доходить до сознанія, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣй-

ствовать все, что противорѣчитъ характернымъ христіанскимъ возрѣніямъ и кризисъ христіанства начнетъ проявляться со все возрастающей силой; онъ глубже и опаснѣе всѣхъ потрясеній испытанныхъ христіанствомъ въ теченіи его міровой жизни. Въ немъ подвергается сомнѣнію не та или другая часть содержания этой религіи, а вся ея жизнь и бытіе въ цѣломъ.

Но такимъ напряженнымъ дѣлаетъ этотъ кризисъ не нападеніе съ какой нибудь одной стороны а совокупность наступленій по различнымъ линіямъ. Какъ мы уже видѣли, со времени прочнаго утвержденія церковной формы христіанства и въ міръ мыслей и въ настроеніяхъ жизни произошли глубочайшія перемѣны, но христіанство до сихъ поръ еще не размежевалось съ этими измѣненіями и въ противовѣсъ имъ не выдвинуло содержащуюся въ немъ вѣчную истину. Та форма, въ которой оно существуетъ теперь, проявляетъ эту истину часто въ искаженномъ и поврежденномъ видѣ; она безусловно можетъ служить препятствіемъ на пути и не соответствуетъ уже всемірно историческому состоянію духовной жизни. Положеніе осложняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о проблемахъ, которыхъ нельзя по желанію отбросить, какъ отбрасываются продукты человѣческаго произвола.

Но для основъ религіи не столько опасно содержаніе этихъ измѣненій, сколько одна связанная съ ними, а часто и нераздѣльно слитая, тенденція современнаго человѣчества. Мы разумѣемъ здѣсь имманентный способъ мышленія, который не признаетъ въ нашей дѣйствительности проникающихъ до самой глубины противорѣчій и вѣритъ, что проблемы, все время выплывающія въ ней, можно разрѣшить не выходя изъ области нашей человѣческой жизни. Этотъ имманентный образъ мышленія просто несовмѣстимъ съ религіей, подобной христіанству. Онъ не только разлагаетъ и приводитъ къ распаденію историческую религію, но необходимо уничтожаетъ и всякую потребность въ религіи. Благодаря свойствамъ общаго теченія новаго времени онъ все болѣе и болѣе усиливался; главныя фазы его развитія совпадали съ главными эпохами внутренняго движенія въ новой исторіи. Эпоха возрожденія въ противоположность среднимъ вѣкамъ старалась возвышающееся надъ міромъ божественное—въ существованіе котораго твердо вѣрила—привести къ болѣе тѣсному соотношенію съ непосредственной дѣйствительностью и озарить послѣднюю его сіяніемъ. Пантеизмъ послѣдующихъ вѣковъ вполне вовлекъ божественные въ міръ и старался то и другое нераздѣливо охватить во вселенскомъ единствѣ. Наконецъ, позитивизмъ и агностицизмъ 19 столѣтія вызвалъ къ жизни весь интересъ, всю силу человѣка къ непосредственному существованію въ природѣ и обществѣ, а отказался отъ міра вѣры въ

неизвѣстное потустороннее, понизивъ его до степени сплетенія чистыхъ иллюзій. Поэтому вмѣстѣ съ ходомъ движенія, религія ослабѣвала все болѣе и болѣе и наконецъ, можетъ казаться,—должна исчезнуть совершенно.

Все это питается и поддерживается чувствомъ самонадѣянности свойственнымъ времени, и дѣйствительно довольно опасно для религіи; но колеблетъ ее не само по себѣ, не непосредственно, а въ связи съ социальными движеніями и перетасовками нашего вѣка. Послѣднія выдвигаютъ вверхъ широкіе слои народа и призываютъ ихъ къ самостоятельному сужденію, между прочимъ, и о конечныхъ вопросахъ жизни и міра. Раньше духовное движеніе и религія только внѣшнимъ образомъ затрогивали эти слои; поэтому, въ нихъ легко возникаетъ мнѣніе, что религія представляетъ интересы не всего человѣчества, а только отдѣльных привилегированныхъ классовъ. Они не знаютъ о тѣхъ могучихъ всемірно-историческихъ движеніяхъ и потрясеніяхъ, которыя вызвали нѣкогда всепобѣждающее страстное стремленіе къ религіи во всѣхъ классахъ человѣчества; затѣмъ, чѣмъ больше возрастаетъ въ этихъ слояхъ чувство силы, чѣмъ отчетливѣе ставятъ они свои собственныя цѣли,—тѣмъ болѣе склоняются къ такому непосредственному утвержденію жизни, которому религія прямо противорѣчитъ. Неудивительно, что въ нихъ преобладаетъ отрицаніе и что религія кажется этому теченію жизни простымъ пережиткомъ прошлыхъ, отжившихъ уже временъ.

Всѣ эти обстоятельства при теперешнемъ общемъ положеніи человѣчества дѣйствительно складываются неблагоприятно для религіи. Если бы рѣшеніе проблемы, возникшее при такихъ условіяхъ, было бы окончательнымъ—конечно дѣло религіи можно было бы считать безповоротно проиграннымъ. Но кто вмѣстѣ съ нами признаетъ самостоятельность духовной жизни и дѣлаетъ ее мѣриломъ всякаго стремленія и всякаго мнѣнія человѣческаго—тотъ не можетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій слѣдовать хотя бы и за сильнѣйшимъ теченіемъ времени. Онъ провѣритъ сначала права его, установитъ предѣлы его значенія и возьметъ масштабомъ при оцѣнкѣ устойчивое содержаніе духовной жизни и основное отношеніе человѣка къ дѣйствительности. Передъ нами раскрываются тутъ такая глубокая сложность и запутанность явленій, что враждебный религіи, потокъ послѣдняго столѣтія, мы можемъ считать лишь преходящимъ эпизодомъ исторіи. Кто признаетъ въ духовной жизни обнаруженіе новой ступени дѣйствительности, кто при этомъ отчетливо измѣрилъ далекое разстояніе, даже скорѣе рѣзкій контрастъ между среднимъ состояніемъ человѣчества и требованіями духовной жизни, тотъ вернется снова къ религіи; иначе одинъ выходъ—полное отрицаніе и нигилизмъ. Такъ будетъ и со всѣмъ человѣчествомъ, можно

ожидать, что чѣмъ увѣреннѣе и самонадѣяннѣе выступило утверждение жизни въ предѣлахъ природы,—утверждение жизни путемъ собственныхъ силъ и способностей человѣка—тѣмъ сильнѣе и истиннѣе проявится признаніе границъ чистой природы и стремленіе къ возвышенію въ болѣе широкія области связанной дѣйствительности. Поскольку теченія вѣка не основаны на истинномъ пониманіи вещей, они отживаютъ и легко переходятъ въ совершенно противоположныя. Такъ и по отношенію къ религиозной проблемѣ: мы можемъ спокойно довѣриться внутреннимъ необходимымъ человѣческому существу.

Но для этого намъ не надо углубляться въ будущее. Уже и въ настоящемъ умножаются признаки, что новыя настроенія и новыя стремленія приобрѣтаютъ себѣ почву. Видимый потокъ жизни въ преобладающемъ своемъ теченіи идетъ еще конечно противъ религіи; но все отчетливѣе становится, что этотъ потокъ охватываетъ не все существованіе человѣка, что прямо противодѣйствуя ему движется ниже, подводное теченіе совершенно другого рода. Въ основномъ отношеніи человѣка къ міру и въ основномъ чувствѣ жизни совершаются молекулярныя измѣненія; они подрываютъ почву, на которой держится отживающее движеніе и готовятъ глубокія измѣненія цѣлаго. Извнѣ движенія эти незамѣтны,—но они обладаютъ такою силой, какой не знаетъ ничто другое въ человѣческомъ существованіи. Въ нихъ готовятся цѣли жизни, властвующія надъ ея стремленіями; готовятся мѣрила, опредѣляющія цѣнности каждаго опыта. Изъ нихъ исходитъ и дѣйствуетъ самобытно-возникающая сила, какой далеко не могутъ возрастить никакія возрѣнія міра никакія цѣли общественной жизни. При этомъ дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о самомъ ядрѣ нашего существа, о приобрѣтеніи истинной жизни, о духовномъ бытіи или небытіи. Объ эти внутреннія измѣненія сокрушилась сила величественной древней культуры. Если и современная культура становится въ противорѣчіе съ ними—не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что побѣдитъ.

Такія измѣненія теперь уже происходятъ,—это неоспоримо,—и они явно дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе. Опытъ 19-го столѣтія далъ намъ гораздо сильнѣе почувствовать все противодѣйствіе жизни, всю сложность и запутанность человѣческаго существованія, всѣ внутреннія противорѣчія нашего существа; мы чувствуемъ ихъ болѣзненнѣе чѣмъ люди непосредственно предшествующей эпохи. Отрицательная сторона существованія захватила больше пространства и гораздо сильнѣе вліяетъ на оцѣнку и на формированіе жизни. Уже благодаря этому борьба религіи противъ страданія и грѣха получаетъ совершенно иное освѣщеніе.—Но потемнѣніе существованія нашего не привело бы не-

ходимо къ внутреннему измѣненію, если-бъ оставались незыблемыми конечныя цѣли, еслибы оставалось внѣ сомнѣній, что въ основѣ этого существованія лежитъ разумность; усиленіе отрицанія мало можетъ повредить, если только выше его стоитъ утвержденіе. Но теперь этого больше нѣтъ, теперь мы потеряли вѣру въ главное направленіе своей жизни. Мы видѣли, что уже изъ самыхъ цѣлей, которыя мы преслѣдовали, которымъ всецѣло отдавались, вытекаютъ запутанныя осложненія, дѣлающія сомнительнымъ всякое новое приобрѣтеніе; мы видимъ, что колеблются самыя идеалы. Съ полной охотой и съ радостью предали мы своей работѣ,—но работа эта приковала насъ и угрожаетъ сдѣлать простыми орудіями. Благодаря неустанному и спѣшному развертыванію нашихъ силъ все болѣе и болѣе исчезало самосредоточеніе души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смыслъ жизни. Мы освободили человѣка отъ всякой опеки и снаружи и изнутри, мы вѣрили, что даемъ ему такимъ образомъ, неожиданное величіе; но освобожденіе это стало отрѣшеніемъ отъ всякой внутренней связи съ дѣйствительностью. Человѣкъ предоставленный самому себѣ, при всемъ внѣшнемъ своемъ ростѣ, проявилъ столько внутренняго ничтожества, и мы чувствуемъ такое рѣзкое и яркое несоотвѣтствіе между могучими проблемами времени и силами индивидовъ для ихъ рѣшенія, что многихъ теперь захватило сильное и страстное стремленіе къ внутреннему возвышенію человѣка. Но можно ли достигнуть его, не примыкая къ конечнымъ глубинамъ міра? Мы положили несказанный трудъ на достиженіе средствъ жизни,—на улучшеніе внѣшняго положенія жизни. Мы достигли многого, но только не того, на что надѣялись: не достигли внутренняго возвышенія человѣка, большаго счастья.—Наоборотъ, заботы и борьба приносятъ все больше и больше безпокойства и волненій, возрастающая тягость борьбы за средства существованія все съ большей и большей силой заставляетъ ощущать недостатокъ отчетливыхъ цѣлей жизни. Мы трудимся и торопимся въ поспѣхахъ поддержать нашу жизнь. Но стоитъ-ли эта жизнь такихъ трудовъ и работы? Проблемы, обнаруживающіяся такимъ образомъ въ отдѣльныхъ направленіяхъ жизни, въ концѣ концовъ объединяются въ одно цѣлое и сливаясь вмѣстѣ образуютъ громадную тяжесть. Мы сбиты съ толку, намъ неясно цѣлое нашей жизни; мы чувствуемъ проблематическій характеръ человѣческаго существованія, чувствуемъ его съ величайшею силою. Какъ ни отчетливо показываетъ современное естествознаніе нашу связь съ природою—мы содрогаемся, боимся отдаться ей вполне. Въдѣ вмѣстѣ съ этимъ придется отдать и все величіе, всѣ блага, свойственныя специально человѣку. Значитъ въ насъ твердо держится увѣренность, что существуетъ нѣчто большее, чѣмъ природа. Но чего состоитъ это большее? какъ его доказать? какія задачи

оно намъ ставить.—Какъ ни великъ внѣшній блескъ культуры, въ области этихъ вопросовъ жизни и смерти царить у насъ мучительная неизвѣстность. Поэтому мы боимся взглянуть имъ въ лицо, ищемъ, какъ бы ослабить ихъ по мѣрѣ силъ, а въ концѣ концовъ—сквозь весь этотъ блескъ культуры проглядываетъ внутренняя скудость и чувствуется, что должно отнести ее на счетъ насъ самихъ. И всему этому мы помочь не въ силахъ.

Такимъ образомъ въ наше время приходится имѣть дѣло не съ кризисомъ одной религіи, а съ кризисомъ всей духовной жизни вообще. А это чрезвычайно благоприятствуетъ борьбѣ, которую ведетъ религія. Для нея всего опаснѣе было мнѣніе, будто духовной культурной жизни,—культурной жизни, полной идеальныхъ вѣрованій,—можно достигъ и безъ помощи религіи, и даже въ противоположность ей. Именно благодаря этому мнѣнію, религія стала казаться чѣмъ то побочнымъ и излишнимъ, чѣмъ то такимъ, что можно выбросить изъ жизни безъ всякаго труда.—Мы теперь знаемъ, что когда поколебалась религія—это знакъ, что поколеблена вся духовная жизнь въ цѣломъ, это самый замѣтный пунктъ общаго потрясенія. Мы видимъ, что приходится вести борьбу за глубочайшія основы духовной жизни и за все ея цѣлое.—Поэтому возбужденіе и движеніе распространится на всю духовную жизнь; человѣкъ насильно будетъ отброшенъ къ глубочайшимъ основамъ своего существованія; можно ожидать, что если духовная жизнь вновь укрѣпится, это пойдетъ на пользу и религіи, поведетъ ее къ новому развитію.

Какъ ни тяжела все еще эта борьба, сколько не сулитъ она хлопотъ въ дальнѣйшемъ, все-таки въ нашъ вѣкъ положеніе вещей благоприятнѣе для религіи, чѣмъ въ прошлыя времена,—благоприятнѣе въ одномъ важномъ пунктѣ: все больше и больше теряютъ свою убѣдительность примиряющія міросозерцанія, которыя ослабляли эту великую противоположность жизни, которыя хотѣли удержатъ въ явленіи то, что отрицали въ основѣ его. Раньше думали, что можно утверждать въ области человѣчества, и абсолютную мораль и самостоятельный внутренній міръ и охватывающую міръ личность и т. п.—не признавая существованія высшаго порядка. Въ настоящее время сомнѣніе захватило и эти великіе факторы жизни, и они поколебались. Съ несомнѣнной ясностью обнаруживается, что для этого великаго „или—или“ нѣтъ примиренія. Въ борьбѣ нашего вѣка вопросъ не въ той или иной частности, а разумности всего нашего существованія.

Такимъ образомъ, въ состояніе духовной жизни вынуждаетъ человѣчество вновь взяться за рѣшеніе религіозной проблемы, но тутъ же содержится и указаніе, какъ надо разрабатывать эту проблему. Тамъ гдѣ религія должна снова подняться послѣ такихъ великихъ потрясеній и измѣненной жизни,—тамъ она должна

съ полнымъ безпристрастіемъ перемѣститься на новую почву и придать вѣчной своей сущности соответственную новому положенію форму. Поэтому мы отвергаемъ всякую жалкую апологетику, прилагающую величайшее остроуміе къ защитѣ чистыхъ возможностей и съ особою радостью выставляющую на показъ немощи и ошибки современныхъ движеній; отрицаемъ всѣ тѣ формы религіи, которыя удовольствуются доставленіемъ сносной опоры и утѣшенія индивидамъ и боязливо избѣгаютъ всякихъ вопросовъ общей культурной и духовной жизни. Религія можетъ стать снова силою и властью только тогда, когда съ радостью и мужественно возьмется за эти вопросы. Вѣдь человѣкъ, какъ духовное существо, не есть простой индивидуумъ. Какъ личность онъ направленъ къ безконечному, онъ опредѣляется всѣмъ содержаніемъ дѣйствительности. Поэтому тотъ, кто борется за новое усиленіе религіи, долженъ въ тоже время усиленно бороться и за основательное обновленіе ея, за широкое, свободное, великое христіанство, активное и стремящееся впередъ. Пренія внѣшнія поддержки и опоры религіи рухнули, ихъ не возвратитъ, и должно искать теперь полнаго ихъ возмѣщенія; а такое возмѣщеніе можно найти лишь въ энергическомъ углубленіи проблемы, въ томъ, что въ самой жизни и внутреннихъ связяхъ ея, которыя принимались какъ сами собою разумѣющіяся, мы открываемъ великіе новые факты и вызываемъ ихъ къ полному дѣйствию.

Въ этомъ смыслѣ и велись наши изслѣдованія. Они защищали рѣзкое отграниченіе религіи духовной жизни отъ религіи простаго человѣка; они стремились содѣйствовать этимъ энергическому выдѣленію изъ нея всѣхъ ничтожныхъ человѣческихъ добавленій, которыя понижаютъ религію и въ концѣ концовъ искажаютъ ея истину. Чрезвычайно высоко оцѣнивая историческое содержаніе религіи мы хотѣли въ тоже время показать, что въ основаніи его лежитъ вѣчная истина, хотѣли противодѣйствовать этимъ смѣшенію временного съ вѣчнымъ, слѣпому подчиненію исторіи чистому времени. Мы настаивали что надо энергично выдвигать христіанскую жизнь, и прочно объединить ее въ противовѣсъ обѣимъ крайностямъ—рабскому прикрѣпленію религіи ко внѣшнимъ формамъ и формуламъ и обезличивающему сглаживанію и постепенному уничтоженію ея содержанія. Намъ необходима свобода и широта; но не менѣе необходимы глубина и сущность. Пусть то и другое вступятъ въ счастливое сочетаніе, пусть не дѣлятся по различнымъ религіознымъ группамъ. Это настоятельное требованіе нашего времени.

Рѣшеніе возникающихъ при этомъ задачъ встрѣчаетъ такое сильное сопротивленіе въ человѣкѣ и столько трудностей въ самомъ предметѣ, что одна мысль объ этомъ въ состояніи легко отпугнуть отъ нихъ. Но задачи эти—не чисто человѣческія, въ

нихъ проявляется необходимость духовной жизни. По отношенію же къ послѣдней вообще и къ религіи въ особенности имѣютъ полную силу мысли, высказанныя нами въ другой книгѣ. „Или религія произведеіе человѣческихъ желаній и представленій, санкціонированное традиціей и общественнымъ строемъ,—тогда никакое искусство, никакая сила и хитрость не могутъ помѣшать ея разрушенію: это созданіе человечества должно необходимо рухнуть подъ напоромъ развивающагося духовнаго движенія.— Или же религія основана на сверхчеловѣческомъ. Тогда самое жестокое нападеніе не можетъ ничего въ ней поколебать. Наоборотъ, заставивъ человѣка пострадать и потрудиться, оно послужитъ на пользу религіи: поможетъ ей найти пункты, въ которыхъ заключается истинная ея сила и въ большей чистотѣ раскрыть ея вѣчную истину. („Wahrheitsgehalt der Religion“).

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Внутреннее обоснованіе религіи	1
Опроверженіе религіи чистаго чувства.—Сущность духовной жизни.—Самостоятельность духовной жизни.—Основной фактъ религіи.—Степени духовной жизни.—Общій обзоръ духовной жизни человѣка.—Религія и психологія.—Отношеніе религіи къ антропоморфизму.—Проблема непосредственной очевидности.—Высшая достовѣрность религіи.—Личная истина какъ основа всякой истины.	
II. Религія и исторія	20
Прежній взглядъ на исторію.—Историческая критика.—Разрушительное дѣйствіе исторической критики.—Позитивистическое воззрѣніе на религію.—Ничтожество простаго быванія.—Исторія природы и исторія духа.—Вѣчное въ исторіи.—Значеніе отдѣльныхъ временъ и личностей.—Опроверженіе историзма.—Критика прежнихъ воззрѣній.—Измѣненія въ духовной жизни.—Измѣненія въ мірѣ мысли.—Измѣненія въ чувствахъ жизни.—Отличіе отъ прежняго взгляда на исторію.—Взглядъ на будущее и дальнѣйшія задачи изслѣдованій.	
III. Сущность христіанства	43
Взглядъ на проблему.—Типы жизни.—Индійскій типъ.—Утвержденіе и отрицаніе въ христіанствѣ.—Оцѣнка страданія.—Единеніе божественнаго и человѣческаго.—Преодолѣніе этихъ противоположностей.—Героическій характеръ христіанства.—Требованія міра мыслей.—Границы исторической критики.—Великое въ великихъ личностяхъ.—Значеніе великой личности въ религіи.—Всемирно-человѣческой характеръ христіанства.—Преодолѣніе противоположностей семитскаго и индогерманскаго началъ.—Христіанство и германская раса.—Дѣйствіе христіанства на различныя эпохи.—Дѣйствіе христіанства на новое время.—Противоположность между христіанствомъ и современнымъ мышленіемъ.—Незыблемость религіи.—Возрожденіе религіи въ настоящее время.—Устраненіе ложныхъ примирительныхъ мировоззрѣній.	

Изданія О. Богдановой.

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Издается при содѣйствіи:

В. А. ВОЛКОВИЧЪ, А. Ф. ЛАЗУРСКАГО, П. Ф. КАПТЕРЕВА, К. И. ПОВАРНИНА, А. Н. РИМСКАГО-КОРСАКОВА, Н. Е. РУМЯНЦЕВА, Д. В. ФЕЛЬДБЕРГА, А. Л. ШЕГЛОВА, Е. Н. ЯНЖУЛЬ и другихъ.

Цѣль настоящаго изданія—удовлетворить остро сказавшуюся за послѣднее время нужду въ подходящихъ, т. е. общедоступныхъ по цѣнѣ и содержанію, философско-педагогическихъ сочиненіяхъ. Русское творчество въ отмежованной нами области еще не успѣло проявить себя съ достаточной полнотой и силой, вслѣдствіе чего нѣкоторые пробѣлы приходится заполнять трудами западно-европейскихъ ученыхъ. Своихъ читателей мы думаемъ найти, между прочимъ, среди педагогическаго состава городскихъ и сельскихъ школъ. Редакція будетъ глубоко благодарна всѣмъ лицамъ, которыя сообщать ей свои соображенія по поводу издаваемыхъ ею книгъ. Письма, рукописи и т. д. просимъ адресовать: СПБ., Троицкая 20, О. В. Богдановой.

Выйдутъ къ осени 1909 года:

- Г. АРНИМЪ. Исторія древней философіи.
В. ВИНДЕЛЬБАНДЪ. Исторія новой философіи. } Перев. съ нѣмецк.
изданія „Kultur der
Gegenwart“.
- В. А. ВОЛКОВИЧЪ. Н. И. Пироговъ.
А. Ф. ЛАЗУРСКІЙ. Современная экспериментальная психологія.
О. ЛИПМАНЪ. Очеркъ психологіи для учителей.
В. МОНРО. Развитие соціального сознанія у ребенка.
П. НАТОРПЪ. Песталоцци.
Ф. ПАУЛЬСЕНЪ. Современное образованіе.
Р. ПЕНЦИГЪ. Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы.
К. И. ПОВАРНИНЪ. Вниманіе.
Н. Е. РУМЯНЦЕВЪ. Педологія, ея возникновеніе, развитіе и отношеніе къ педагогикѣ.
А. Л. ШЕГЛОВЪ. Дѣтская преступность.